

ИГРЫ ГЕРОЕВ

ВАДИМ ФИЛОНЕНКО

МАГ

ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ВРЕМЯ ЛЖИ

Маг для особых поручений

Вадим Филоненко

Время лжи

«АСТ»

2007

Филоненко В. А.

Время лжи / В. А. Филоненко — «АСТ», 2007 — (Маг для особых поручений)

Они встретились на дороге миров. Одного зовут Темьяном. Он разбойник, урмак-оборотень, изгой, вынужденный таиться от людей и Богов и скрывать свое прошлое. Имя второго Эрхал. Он маг, Ученик Богов и сам будущий Бог. До сих пор эти двое жили в разных мирах, и у них не было ничего общего: Темьяна боялись и презирали, Эрхалом восторгались и почитали. Но однажды их дороги пересеклись, вынуждая плечом к плечу встать против коварных врагов и обстоятельств. На них ополчились и маги, и воины. Никому нельзя доверять, даже союзнику. Ведь тот, кто выглядит дружелюбным, готов первым вонзить нож тебе в спину. Наступило время обмана и предательства. Время поражений и потерь. Время лжи.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
1	13
2	16
3	20
4	22
5	29
6	32
7	41
8	45
9	46
10	47
11	49
12	51
13	53
14	57
15	58
16	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Анатольевич Филоненко

Маг для особых поручений. Время лжи

© В. А. Филоненко

© ООО «Издательство «АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Автор благодарит
писателя Дмитрия Силлова
за неоценимую помощь*

Пролог

4493 г. 12-й юты

по летоисчислению Высших

К ночи выюга усилилась. Пронизывающий ветер подхватывал колючие иголки снега, злобно проносился по притихшим городским улицам, завывал в печных трубах, играл с жестяными вывесками лавок, трактиров и мастерских, раскачивал подвесные фонари, стучался в закрытые ставни и двери.

По одной из улиц сквозь метель брел одинокий прохожий – немолодой, грузноватый мужчина в потрепанной, выдавшей виды дохе. Он зябко ежился и прятал щеки в широкий меховой воротник.

– Чтоб тебе волки всю задницу обкусили, Акар! – сквозь зубы ругался прохожий, пытаюсь разглядеть слезящимися от ледяного ветра глазами занесенные снегом вывески на домах. – Заставил меня тащиться в такую глушь, да еще и погоду выбрал... кхе... кхе... – Он закашлялся, задохнувшись обжигающим морозным воздухом.

«Ты рот-то закрой, – раздался у него в голове знакомый насмешливый голос. – Ты уже почти пришел... Видишь подворотню? Тебе туда. Давай, Песчаный Дух, у меня здесь тепло. Камин, пряный пунш...»

– Ротран тебя раздери, Ветер! – Мужчина по прозвищу Песчаный Дух сердито сбросил в маленькой прихожей заляпанную снегом доху и прошел в комнату, оставляя на дощатом скрипучем полу грязные, мокрые следы от сапог. – Что еще за тайны! Мы разве не могли поговорить в уютном кабачке где-нибудь среди лета и тепла? Зачем ты заманил меня в эту забытую Богами и Проклятыми дыру?

– Ты очень верно подметил, дружище, – хмыкнул Акар, молодой черноглазый парень по прозвищу Ветер. – Именно забытую. И Богами, и Проклятыми.

– Все так серьезно? – нахмурился гость.

Акар неопределенно повел плечами и предложил:

– Ты садись в кресло поближе к огню, выпей пунша.

– Хм... Пунша, говоришь... Ну-ну...

Гость осмотрелся. Комната явно нежилая, хотя паутина по углам сорвана, пол подметен, а каминные трубы тщательно прочищены. Из мебели только два новых, обитых белой кожей кресла и маленький резной столик. На столе – хрустальная чаша с хмельным рубиновым напитком, серебряный черпачок и два золоченых кубка.

Песчаный Дух сел, налил пунша и сделал глоток:

– Неплохо! Ты еще не научился готовить пунш, Ветер... Кстати, ты случайно не припас для меня сигару, а?

– Припас, как не припас. – Акар жестом фокусника извлек из воздуха лакированную шкатулку орехового дерева. – Я же знаю, как подлизаться к тебе, старый песчаный боров!

– Ты никогда не умел ругаться, Ветер, – захохотал Песчаный Дух. – Хочешь, научу?

– Может, позже. Если успеешь.

– Так, – посерьезнел гость. – Давай, Акар, выкладывай, что стряслось.

Ветер отхлебнул пунша и молча походил по комнате.

– Да не мельтеши ты, – резко сказал Песчаный Дух. – Раз позвал, говори.

Ветер сел в соседнее кресло, снял с пальца массивное золотое кольцо в форме змея, кусающего себя за хвост, и протянул гостю.

– Правитель знает? – после паузы спросил Песчаный Дух, не притрагиваясь к кольцу.

– Да. – Акар положил кольцо на стол и отвернулся. – Да. Я сообщил ему, что отказываюсь от титула Змееносца, и предложил взамен твою кандидатуру. Он не возражал, так что, если ты согласишься, тебя официально посвятят в Змееносцы.

– Я так понимаю, задавать вопросы бесполезно, да? Ты все равно не ответишь ни на один из них?

– На один отвечу. – Ветер посмотрел Песчаному Духу в глаза и сказал, отчетливо проговаривая каждое слово: – Я отказался от прав Змееносца, так как не уверен, что проживу достаточно долго, чтобы осуществить эти права.

– Что это значит? Ты что, собрался умирать?

Акар усмехнулся:

– Я обещал ответить на один вопрос, а это уже второй.

Песчаный Дух стукнул кулаком по столу.

– Хватит играть в игры, Ветер! – рявкнул он. – Давай рассказывай все от начала и до конца!

Глаза Акара опасно сузились.

– Ты разлил пунш. Будь осторожнее, Песчаный Дух!

– Да что с тобой такое, – укоризненно покачал головой собеседник. – Ты принимаешь меня за идиота. Чтобы вручить кольцо, не стоило тащить меня богу в задницу. Раз ты официально отказался от своих прав, в этом уже нет секрета. Секрет в другом, и ты расскажешь его, как и собирался. Я не буду тянуть тебя за язык. Это нужно, прежде всего, тебе самому, иначе ты не позвал бы меня сюда.

Акар не ответил. Он устало откинулся в кресле и прикрыл глаза рукой.

– Ты вляпался в какое-то дерьмо и не знаешь, как выбраться, не запачкавшись? – предположил Песчаный Дух.

Акар нервно вздрогнул, помедлил, но кивнул, не открывая глаз.

– Как я могу помочь тебе? – спросил Песчаный Дух.

Ветер открыл глаза и взглянул на друга:

– Возьми кольцо Змееносца.

– Это поможет тебе?

– Н-нет... Просто я не могу предложить его никому другому, ты же понимаешь.

Песчаный Дух кивнул. У Змееносца есть не только права, но и обязанности. Очень неприятные обязанности. Ноша Змееносца тяжела, такое бремя можно переложить только на старого, проверенного друга.

Песчаный Дух надел кольцо на палец и, отхлебнув пунша, сварливо спросил:

– Вместе с кольцом ты отдаешь мне всех своих Должников или хочешь оставить кого-то из них себе?

– Нет, никого. Забирай всех.

– Они настолько плохи?

– Нет, – улыбнулся Акар. – Напротив. Они тебе понравятся. Особенно один. Таких еще не бывало. Он способен на многое. Только...

– Что?

– Он... как бы это сказать... не совсем обычен... В общем, сам поймешь...

– Ты меня заинтриговал. Интересно будет взглянуть на него... Ладно, с ним я потом разберусь. А пока вернемся к нашим секретам. Теперь и ты мой должник, Ветер, поэтому просто обязан рассказать мне, что стряслось.

Акар решил.

– Я расскажу... Все расскажу! – торопливо заговорил он. – Только это должно остаться между нами.

Песчаный Дух указал на кольцо:

– Разве я еще не доказал тебе свою дружбу?

– Да-да... Я сомневаюсь не в тебе... – Ветер вскочил с кресла и нервно заметался по комнате. – Ладно, слушай. В некоем мире скоро будут происходить странные вещи... Странные и опасные...

Его прервал отголосок срочного зова. Песчаный Дух прислушался.

– Это за мной... Эх, как не вовремя!.. Ладно... Мне надо идти, Акар. Но не забывай, за тобой должок. Мы еще продолжим наш разговор.

Ветер остался один. Походил по комнате. Подошел к столу, задумчиво помешал изящным черпачком пунш. Зло отбросил эту серебряную безделушку прочь, ухватился ладонями за хрустальную чашу и несколькими жадными глотками допил пунш. Пряное вино потекло по подбородку, тонкими струйками сбегая на шерстяную, грубой вязки куртку. Ветер утер подбородок рукой и в сердцах грохнул чашу об пол. Брызнули осколки. Акар несколько мгновений смотрел на кусочки хрусталя под ногами, потом сел и задумался.

Очень плохо, что он так и не успел рассказать своему гостю правду. Песчаный Дух – единственный, кто сумел бы помочь исправить то, что натворил Акар. Не со зла натворил – по легкомыслию и слабости. Однако это не меняет сути...

Акар совершил нечто такое, что поставило на грань вымирания тысячи, да что там – сотни тысяч разумных существ разных рас! Вернее, его вынудили это совершить.

А начиналось все так легко и приятно...

Ветер улыбнулся, вспомнив горячую, пылкую темноту, жадные, страстные губы и нетерпеливый женский шепот: «Иди же ко мне, любимый!»

Да, начиналось все очень приятно... Хотя... Пожалуй, начало надо искать не в уютной, устланной коврами и шелковыми подушками рукотворной пещерке, а на поле брани последней Великой Битвы.

Да. Точно. Именно там начался нынешний и, скорее всего, последний отсчет времен...

1 год 12-й юты

по летоисчислению Высших

Первым погиб Огонь. Погребенный гигантским валом Земли, он еще сопротивлялся. Еще пытался пробиться к поверхности тоненькими острыми язычками. Но влажная тяжелая Земля душила и быстро перекрывала малейшие лазейки, заставляя задыхаться и кашлять бесильными струйками дыма.

И все же он выполз, дотянулся до вожаемой поверхности крохотным угольком. Настолько махоньким, что раздуть из него пламя оказалось невозможно.

Он тлел, жадно впитывая последние картинки и запахи жизни, остро ощущая, как ему дорого все это. И как никогда ясно понимая, что да, оно стоило того: и этой яростной Битвы, и самой его жизни, потому что в случае победы он получил бы самое дорогое сокровище на свете...

Умирающий Огонь улыбнулся сквозь спекшиеся губы – предсмертное усилие начало возвращать ему истинный человеческий облик. Он представил, как хорош станет этот мир, когда утихнет бушующая на нем Битва. Дремучие леса явятся пристанищем для животных и птиц. Плодородные поля станут сами давать урожай, способные насытить пришедшие сюда народы. Воздух, напитанный силой погибших магов, сможет исцелять и дарить долгую жизнь. Густые артерии рек и блестящие сосуды озер наполнятся водой, каждая капля которой будет вкусна, как старое выдержанное вино...

– Да, это будет золотой век, – откликнулся тот, кто был Землей. Он тоже принял истинный облик и опустился на колени перед побежденным Огнем. – Вначале золотой. И первые поколения станут благоденствовать и процветать... и портить... постепенно и сперва очень

незаметно... портить все, к чему будут прикасаться... сам воздух, которым станут дышать... Воду, которую будут пить... Все, что их будет окружать...

– На то они и люди, – слабо прошептал умирающий Огонь. – Они портят все, что мы создаем... – Он закашлял, и алая теплая кровь хлынула из его рта. Даваясь и захлебываясь, он все же договорил: – Но, согласись, наша Битва и... наши смерти... стоят этого...

Тот, кто был Огнем, затих, не успев услышать ответа.

– Конечно, стоят. – Победитель вздохнул и аккуратным, почти нежным движением закрыл мертвые глаза врагу. Затем встал на ноги и огляделся.

Великая Битва все бушевала. Она окутывала безлюдный мир яростью столкнувшихся стихий с такой силой, что казалось, будто беснуется сама реальность, подобно норовистому скакуну, желая сбросить остатки действительности в жадную смачную яму небытия.

До самого ядра сотрясалась земля от мощных ударов разгоряченных исполинов. Для них кипящие раскаленной лавой вулканы оказывались подобны горящим факелам. А вздымающиеся к испуганным небесам гигантские цунами, выполняли роль легкой кавалерии, направляемой властной рукой могучих полководцев.

...Гора ломилась за убегающим Лесом, обрушиваясь камнепадами и дробя в щепки вековые стволы дубов и сосен, пока внезапно на нее не обрушилось небо. Густые как патока, кипенно-белые Облака окутали Гору. Они скручивались острыми, тугими жгутами и кромсали, сминали гранит. Из центра Облака ударили молнии. Твердое тело Горы начало плавиться. Вершины и скалы рассыпались мелким крошевом и обращались в пыль.

Захваченная врасплох Гора попыталась выскользнуть из смертельной пелены Облаков, но ее усилия оказались тщетны. Нет, ей не вырваться...

Та, что была Горой, попыталась разделиться, рассыпаться сотнями камнепадов, чтобы, откатившись на безопасное расстояние, собраться вновь и обрушиться на врага с более выгодной позиции. Не тут-то было. Вырвавшиеся из грозowych туч камни тотчас попадали на острые пики сосен поджидającego Леса, а сзади неумолимо надвигалась смертельная пелена Облаков.

Та, что была Горой, поняла: ей конец. И она закричала, прощаясь.

Ее крик слышал Черный Дракон. Он только что расправился с Радугой, и теперь, сложив огромные крылья, спикировал на помощь Горе. Тело Дракона начало терять очертания, превращаясь в крутящийся с бешеной скоростью смерч, униженный острыми длинными крюками. Врезавшись в громады Облаков, Дракон-торнадо пошел испаривать упругое тело той, что была Облаками, оставляя за собой кроваво-алые полосы разодранной плоти и дикий крик невыносимой боли...

Через мгновение все было кончено. На измученной, перепаханной землетрясениями и взрывами вулканов земле под золотистым солнцем лежали рядом умирающие бывшие враги: тот, кто был Лесом; та, что была Горой; и та, что была Облаками. Над ними стоял тот, кто был Драконом. Он молча ловил последние взгляды друзей и врагов, отдавая и тем, и другим последние почести.

В знак уважения к смерти Дракон принял свой истинный облик – закутанного в черную шелковую тогу широкоплечего, приземистого мужчины с безволосой, увенчанной серебристыми рогами головой. На спине под тогой едва заметно трепетали два небольших кожистых крыла.

Он осмотрелся по сторонам, ощущая усталость, и подумал, что тяжелее Битвы еще не бывало, а ведь ему пришлось пережить их немало. В этот раз очень много погибло и своих, и чужих. Пора остановиться и признать поражение, иначе под угрозой окажется само мироздание.

Тяжело ступая по мягкой, будто пуховой, земле, принявшей в себя души погибших магов, тот, кто был Драконом, пошел в центр мира. Шел в своем истинном облике, не прибегая к помощи стихий, и там, где он проходил, бой замирал. Стихии отступали, магия гасла, придавая

сражающимся истинный облик. Глаза одних загорались надеждой, переходящей в уверенность победителей. Другие, проигравшие, опускали руки и сутулили плечи, словно тяжесть воздуха становилась невыносимой.

– Победа... Поражение... Договор... Проклятие... – шелестело вслед тому, кто был Драконом.

А он шел, упрямо стиснув кулаки, и шептал пересохшими губами:

– Нет, не конец. Это еще не конец – передышка. Чтобы сохранить...

Битва затихла. Победители и побежденные образовали круг, очерчивая центр мира. А в круге стояли двое: тот, кто был Драконом, и второй – величавый бородатый человек в гиацинтовой, под цвет глаз, тоге, с длинными светлыми волосами и молниями в руках.

Мгновение двое смотрели друг другу в глаза. И всего на мгновение столкнулись в воздухе горечь поражения и торжество победы. Затем тот, кто был Драконом, склонил увенчанную серебристыми рогами голову и опустился на одно колено перед победителем.

– Дейвы признают поражение и согласны исполнить Договор. – Тот, кто был Драконом, казался спокойным. И только руки выдавали его истинные чувства, безжалостно сминая черный шелк тоги, да нервно подрагивали за спиной два кожистых крыла.

– Амечи принимают победу и согласны исполнить Договор, – так же спокойно откликнулся человек с гиацинтовыми глазами, не позволив себе ни малейшей насмешки или злорадства в адрес проигравшего.

После крошечной, длиною в жизнь, паузы стоящие рядом с амечи-победителями проигравшие крылатые дейвы тоже стали преклонять колени и опускать в поклоне рогатые головы, отдавая дань новым Богам Мироздания.

Одновременно взметнулись ритуальные ножи победителей, вонзаясь в покорно подставленные запястья проигравших. Закапала алая кровь дейвов, но, не коснувшись земли, вспыхивала разноцветными крошечными искорками и исчезала, мерцая в такт произносимым словам. Голоса то сливались в один, то разделялись крикливым многоголосьем:

– Амечи накладывают Проклятие и исполняют Договор...

– Дейвы принимают Проклятие и исполняют Договор...

– ...на следующие пять тысяч лет...

– ...на следующие пять тысяч лет...

– ...пока вновь не сольются стихии в Великой Битве...

– ...стихии... в Великой Битве...

– ...чтобы определить победителя...

– ...определить...

Четыре с половиной тысячи лет спустя

4500 год 12-й юты

по летоисчислению Высших

Зал для официальных приемов сиял традиционной мраморной белизной, которую нарушали лишь два расположившихся в центре ободка тьмы. Они напоминали свернувшихся клубками змей – обманчиво спокойных, но до краев наполненных ядом и готовых при первом же удобном случае вцепиться друг в друга.

Внутри очерченных тьмой колец стояли двое: величавый человек с гиацинтовыми глазами и широкоплечий, приземистый мужчина в черной тоге с безволосой, увенчанной серебристыми рогами головой.

– Ты просил аудиенции, Великий Хран. Ты хотел говорить со мной наедине. – Голос человека с гиацинтовыми глазами оказался ему под стать: глубокий, рокошущий бас, в котором явственно чувствовались сдерживаемые грозные раскаты.

– Да, Всевластный. – Поклон рогатого дейва сочетал в себе неподдельное почтение и царское достоинство. – Ты оказал мне великую честь, согласившись на эту встречу. Я благодарю тебя и хочу заверить, что разговор окажется важным для нас обоих.

– Я слушаю тебя, Великий Хран.

– Прежде всего, Всевластный, прими мои искренние заверения в том, что дейвы по-прежнему чтят Договор, с достоинством неся свое Проклятие, и не собираются нарушать его даже в самой малости...

Обладатель гиацинтовых глаз жестом прервал собеседника. Воцарилось молчание. Амечи и дейв застыли друг против друга, а обстановка вокруг них начала меняться. Белый мрамор поблек, подернулся дымкой, затрепетал. Сквозь него постепенно проступало убранство другого зала, поменьше, с увешанными гобеленами стенами, обитыми синим бархатом позолоченными креслами и хрустальным столиком у камина.

Пока шла смена обстановки, собеседники не проронили ни слова. Амечи с гиацинтовыми глазами на правах хозяина внимательно следил за обновлением интерьера, а дейв задумчиво наблюдал, как рассеивается темная дымка охранных колец.

Наконец амечи сделал приглашающий жест к стоящим у камина креслам.

– Сколько тысячелетий мы знакомы с тобой, Хран?

– Тридцать, а может, и больше, – откликнулся дейв.

– Сколько раз мы сражались с тобой на полях Великих Битв, Хран?

– Не сосчитать, – улыбнулся дейв.

– Таким закадычным врагам, как мы с тобой, не к лицу церемонии, Хран.

– Ты прав, Ювис. Но сейчас ты – Верховный Бог, а я – Правитель Проклятых, и я обязан воздать тебе необходимые почести, как это делал ты многие тысячелетия тому назад, когда Верховным Богом был я, а ты являлся Правителем Проклятых.

– Что ж, ты проявил должное почтение к Богу. Теперь поговорим прямо. Как очень давние и очень верные враги.

– Поговорим, – кивнул дейв. – Тем более что проблема, к сожалению, нешуточная.

Они устроились в креслах. В камине уютно затрепал огонь. На хрустальном столике возникли широкие золоченые кубки с тягучим янтарным напитком.

Хран с удовольствием сделал глоток, покатав во рту жгучий хмельной шарик, проглотил, дотронулся кончиком языка до нёба, наслаждаясь дивным послевкусием, и с улыбкой взглянул на амечи:

– Где ты берешь это чудо, Ювис? За одну бутылочку твоей амброзии я готов отдать целую дюжину подвластных мне миров!

– Это предложение? – иронично вскинул бровь амечи.

– Это зависть, – вздохнул Хран.

– Так и быть, мой досточтимый враг, я подарю тебе одну бутылку, – хмыкнул Ювис. Затем он стал серьезным: – Может, перейдем к цели твоего визита, Хран? О чем ты хотел поговорить со мной?

– О Ксанине.

– О Богине Весны? – удивился Ювис.

– Не совсем. Скорее о посвященном ей мире.

– Мире Ксантины? А что с ним не так?

Разговор продолжался долго. Оставшись один, Ювис некоторое время сидел неподвижно, задумчиво глядя на мечущийся огонь. Затем он послал вызов-мысль.

– Ты звал меня, Верховный? – перед Ювисом появилась женщина.

– Да, Ксантина. Сядь. Расскажи мне о Черном Чародее из подвластного тебе мира.

– Неужели, Великий, тебя и впрямь интересует простой смертный колдун? – Богиня Весны с легким смешком опустилась в кресло.

– Расскажи, кто он такой, – настойчиво повторил Ювис.

– Обычное пугало, придуманное жителями мира Ксантины, чтобы было кого обвинять в своих бедах и горестях, – пожала плечами богиня. – Но почему он интересует тебя, Великий? В каждом мире есть такой Темный Властелин, или Злобный Упырь, или Разрушитель, или еще кто-нибудь со столь же зловещим титулом, чудовищной репутацией и захватническими амбициями. Смертные не могут без этого. Им необходимо реальное воплощение зла, с которым нужно бороться. Раньше мы никогда не вмешивались и позволяли смертным играть в их жалкие игры. Так почему же теперь это стало волновать тебя, Великий?

Ювис не ответил. Он смотрел на пламя и катал в ладонях золоченый кубок с амброзией. Ксантина сидела тихо, как мышка, не решаясь потревожить раздумья Верховного Бога, но ее безупречный лоб прорезала тревожная морщинка.

Наконец Ювис заговорил:

– Отправь туда кого-нибудь из амечи помоложе... лучше всего из Учеников. Пусть посмотрит, что там и как... Изнутри посмотрит, глазами смертного... Придумай ему легенду и скажи, чтоб без нужды себя не раскрывал...

– Мне самой выбрать Ученика, Великий? – покорно спросила Ксантина.

– Да... Хотя нет, стой! Отправь... – Ювис назвал имя.

– Ты хочешь послать его? – удивилась Ксантина. – Но он уже не Ученик. Он – идущий по Дороге Миров.

– Тем лучше. Пусть на его пути окажется и мир Ксантины.

– Но он дерзок, строптив. Он не считается с мнением старших и во всем ищет зерно сомнения. Может, лучше послать другого?

– Его!

– Хорошо, я сделаю, как ты велишь, – вздохнула Ксантина. – Но скажи, почему именно он?

– Потому что он – лучший! – отрезал Ювис.

Часть первая

Разбойник

*Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах
Омар Хайям*

1

*4500 год 12-й юты по летоисчислению
Высших Мир Ксантины,
королевство Саария, Миренский лес*

– Эй, тупой увалень! Хватит бока отлеживать. Быстро за водой!

Спящий прямо на земле молодой загорелый парень по имени Темьян получил чувствительный удар по голове бурдюком, сшитым из куска воловьей шкуры. Раздался громкий хлопок. Вокруг засмеялись:

– Пустая голова, пустой звук.

Разбуженный таким грубым способом Темьян сел, прислоняясь широченной, иссеченной шрамами спиной к клену. Почесал ушибленную голову с коротким жестким ежиком белобрысых волос. По-детски потер пудовыми кулаками сонные карие глаза и беззлобно огляделся, позевывая.

Стояло раннее летнее утро. Воздух сохранял ночную свежесть и приятную прохладу, а на листьях деревьев и кустов дрожали крошечные капельки росы.

– Ты долго еще намерен рассиживаться?

Темьян вновь получил довольно чувствительный удар, на этот раз ногой по ребрам. Пинал его главарь разбойников – высокий сухощавый мужчина средних лет с красивым, но злым лицом. Темьян быстро вскочил на ноги, сразу оказавшись на полголовы выше главаря. Впрочем, молодой человек был выше и сильнее любого из находившихся на лесной поляне разбойников.

– Прости, Келвин, – пробормотал Темьян, виновато глядя сверху вниз на главаря.

– Марш за водой, – повторил Келвин.

Темьян неловко подхватил бурдюк широкой лопатообразной ладонью, бормоча:

– Я сейчас, я быстро.

Он торопливо засеменил вниз с косогора к реке, шумно проламываясь сквозь кусты своим массивным телом.

– Да уж, лучше тебе поторопиться, – посоветовал Келвин ему вслед. – А то останешься без завтрака. А вы, урмаки, жрать-то горазды.

– Это точно, – поддержал главаря разбойник по прозвищу Хмарь, крижистый усатый мужчина. Он в это время пристраивал над костром вертел с тушей дикого кабаника.

Темьян скатился по крутому склону, спотыкаясь о корни деревьев босыми ногами. Широкая, быстрая река ударила в глаза веселыми золотистыми бликами отраженного солнца. Парень радостно улыбнулся, подставляя темное от загара лицо утренним лучам. Темьян любил лес и реку, привык к вечным пинкам и насмешкам в банде, и хорошее настроение покидало его очень редко.

Наполнив бурдюк, Темьян снял свой единственный предмет одежды – холщовые штаны из небеленого полотна. Медленно, словно смакуя, вошел в теплую воду и поплыл, несколькими мощными гребками достигнув середины реки.

Окунувшись с головой, молодой разбойник повернулся, собираясь возвращаться, как вдруг остолбенел, вытаращив глаза. На берегу, неподалеку от его бурдюка, пил воду смоляной конь. Всадник утолял жажду рядом, припав на колени. Напившись, незнакомец поднялся, отряхнул со штанов землю и посмотрел на Темьяна.

Разбойник внезапно понял, кто это такой, и похолодел.

Шоколадного цвета кожа, угольного оттенка глаза и черные курчавые волосы. Темная, плотная, несмотря на жару, одежда. Высокие кожаные сапоги со шпорами. Именно так людская молва описывала всадников джигли – чудовищных порождений Тьмы.

Урмак едва не утонул от ужаса, не веря своим глазам. Не может быть, чтобы один из джигли – черных всадников из легенд, которыми матери Ксантины пугали своих детей, – стоял сейчас на берегу во плоти!

«Да никакой это ни джигли. Просто очень загорелый человек», – попытался убедить себя Темьян. Но тут он разглядел на поясе незнакомца свернутый кольцами яркий необычный бич, и сомнения сразу отпали.

На берегу действительно стоял джигли – черный всадник!

Согласно легендам, живой, сверкающий алмазным блеском бич являлся единственным, но смертельно опасным оружием этих слуг Тьмы. Оружием страшным и беспощадным, от которого нет спасения.

Темьян потрясенно смотрел на черного всадника во все глаза. Конечно, правильное было уплыть, скрыться на другом берегу реки. Но разбойник не тронулся с места, повинувшись могучему чувству любопытства – тому самому, которое заставляет людей, несмотря на опасность, глазеть на извержение вулкана или цунами буквально в двух шагах от разбушевавшейся стихии. Дремучее, извечное и неистребимое любопытство...

Черный всадник будто понял обуревавшие невольного зрителя чувства. Он ухмыльнулся и поманил Темьяна рукой. словно под действием чар колдуна, парень послушно поплыл к берегу.

Совершенно позабыв о своей наготе, он выбрался на твердую землю и встал в растерянности. Черный человек указал на штаны. Разбойник поспешно оделся. Вода теплыми струйками сбегала по его дрожащему, как в лихорадке, телу, и это придавало происходящему ощущение реальности. Иначе Темьян решил бы, что еще спит.

Всадник указал рукой вверх по холму. Разбойник подхватил бурдюк с водой и стал поспешно подниматься, чувствуя за спиной чужое дыхание.

Когда Темьян под конвоем вышел к костру, то увидел обалдевших разбойников в окружении десятка всадников джигли. Черные люди деловито обыскивали пожитки банды, выгребали золото и самоцветы, а один снимал с вертела истекающую ароматным соком тушу кабанчика.

Разбойников в банде Келвина было чуть больше полусотни, все люди очень отчаянные, но ни один из них даже пальцем не пошевелил, чтобы отстоять свое кровно награбленное имущество.

Приведя Темьяна, всадник джигли сразу потерял к нему всякий интерес.

Урмак немного потоптался на месте, а потом подошел к сумрачному Келвину. Главарь сидел у костра и кривился так, словно у него болели все зубы разом.

– А чего это они, а? – громким шепотом спросил Темьян.

Главарь бросил в ответ злобный взгляд, но промолчал.

– Что им надо? – не отставал Темьян и даже потербил Келвина за рукав зеленой щегольской рубахи.

Главарь отпихнул урмака в сторону и прошипел сквозь зубы:

– Ты заткнешься или нет, придурок?

Один из джигли поднял голову и с интересом уставился на Темьяна.

– Да ты никак урмак? – голос черного всадника звучал вполне по-человечески, только выговор был странноват, словно саарский язык давался ему с трудом.

– Урмак, – не стал отнекиваться Темьян.

– Понятно. У вас, на Ксантине, говорят: «Тупой как урмак». Это правда.

Темьян насупился. Может, урмаки и уступают в уме людям, но он не собирается молча выслушивать оскорбления в адрес своей расы от всяких черных тварей, будь они хоть трижды порождениями Тьмы!

– А знаешь, как на Ксантине называют вас? – с вызовом спросил урмак.

– Знаю, – кивнул джигли. – Вот только меня не интересует мнение жалких людишек вашего задрипанного мирка. Мы из другого мира, и там нас называют героями.

– А зачем же вы пришли в наш мир, герои? Вам что, в своем грабить некого?! – начал яриться Темьян. И тут же получил чувствительный пинок по ноге от Келвина.

Черный человек бросил насмешливый взгляд на главаря местных разбойников и пристально взгляделся в Темьяна:

– Ты глупый, но смелый парень. И ты мне нравишься. А вот зачем мы прибыли в ваш мир, тебе лучше не знать. Если хочешь жить, конечно.

Джигли отвернулся, показывая, что разговор окончен, и отошел к своему коню, больше ни разу не взглянув в сторону Темьяна.

Закончив обыск и упаковав понравившиеся им вещи, черные незнакомцы вскочили в седла и быстро растворились в зарослях.

2

Деревня была небольшая – домов тридцать. Обычная рыбацкая деревушка, приткнувшаяся возле излучины широкой реки, которая давала пищу и скудный, но верный заработок ее жителям.

Откровенная нищета деревушки не смущала разбойников. Сегодня их интересовали молоденькие девушки, которых можно выгодно продать. Банда Келвина потеряла большую часть ценного имущества после встречи с джигли, и теперь захватом наложниц надеялась хоть отчасти поправить свои дела.

Разбойники, сидя на лошадях, вглядывались с заросшего березняком холма в лежащую перед ними деревню и негромко переговаривались, обсуждая выгодность мероприятия. Наконец Келвин принял решение и подал знак к нападению. С гиканьем и свистом прищпоривая лошадей, шайка понеслась к незащищенной деревне, на ходу обнажая мечи.

Первой опасность заметила какая-то девка, достающая воду из старого, но ухоженного колодца. Уронив ведра и схватившись за голову, она истошно закричала и, подобрав длинные юбки, бросилась со всех ног в деревню.

Там начался переполох. Забрехали собаки, заплакали дети, заорали женщины. Большинство мужчин находились в лодках далеко от берега, оставшиеся взяли за вилы и топоры.

Впрочем, дружного отпора не получилось. Деревенские защищались больше для вида. В Саарии разбойников боялись и знали, что лучше отдать им то, что они хотят, но остаться в живых, чем потерять и голову, и имущество.

Зарубив несколько собак и одного не в меру ретивого мужика, банда захватила деревню. Разбойники выгребали небогатые сбережения рыбаков, приторачивали к седлам кур и свиней и стогнали молодых девок в дом деревенского старосты, где Келвин и несколько особо приближенных проводили осмотр добычи.

Отобрали всего шесть девушек. У остальных внешность оказалась с изъяном. Разбойники досадливо морщились – добыча получалась гораздо меньшей, чем ожидалось.

– Да-а... Перевелись красивые девки в Саарии. Вырождается наша страна. Ох, вырождается, – тяжело вздохнул усатый Хмарь.

– Все красавицы на юге, – уверенно заявил Томвуд, разбойник с черной повязкой на правом глазу. Уцелевший левый жадно ощупывал пленниц, и девушки под его диковатым взглядом испуганно всхлипывали и пытались спрятаться за спины друг дружки. – Точно вам говорю, самые сладкие крали остались в Кротасе.

– Ну, чего ты мелешь, Томвуд, – поморщился Хмарь. – Откуда тебе знать-то? Что там, в Кротасе, творится, доподлинно никому не известно. Слухи одни. Домыслы... Может, там баб и вовсе не осталось, всех Черный Чародей извел. Говорят, он до женского тела жаден.

– Жрет, что ли?

– А Проклятый его разберет. Может, и жрет. Или на магические ритуалы... тьфу-тьфу-тьфу... употребляет. Говорю же, толком никто ничего не знает. Одно слово – Завеса!

– И слава Богам, что Завеса, – вступил в разговор Келвин. – Не хватает, чтобы кротасская пакость до нас добралась. Нам и своей предостаточно. Вон сколько ее из Спящего Леса повылазило. Да еще с севера прутся Ожившие Льды. И так уже от Саарии половина осталась – все земли выше Лакруста погибли. А маги и не чешутся.

– А магам что? Они при первой же опасности в Беотию переберутся. Или восточнее, в Кабию. Льды туда не дойдут – растают. Живые они там или нет, а с солнцем не поспоришь.

– Эй, Клиф, ты чего кривую такую притащил? – завопил Келвин на разбойника, который привел новую девушку. – Кто ее купит, страхолюдину? Ты глаза-то разуй, раздолбай! Вали с ней отсюда, недоумок, помет саранчи!

Разбойник вместе с девицей вылетел вон.

– Ну, каково, а? – Келвин с возмущением глянул на приближенных. – Всех уродин тащит, дурила!

– Небось, под себя выбирал, – заржал Хмарь. – Клиф и сам страшила, и баб таких же любит.

Разбойники поухмылялись и поплевали прямо на чисто вымытые струганные доски пола.

Темьян, как обычно, в разговоре не участвовал. Ему доля в добыче не светила. Он состоял в банде за кормежку и немудреную одежку.

Келвин подобрал Темьяна несколько лет назад в глухих болотах Белковской пуши, куда банда забрела случайно, уходя от стражи. Молодой урмак, сильно порванный медведем и неизвестно как оказавшийся в одиночестве в дремучем лесу, помирал от голода, потери крови и болотной лихорадки. Келвин не отличался излишней добротой, но все же почему-то подобрал его, выходил, приютил и с тех пор обрел в урмаке послушного, надежного и очень преданного слугу, телохранителя и воина.

Пока Келвин и остальные придирчиво оглядывали дрожащих от страха девушек, Темьян сидел возле печки на полатах, позевывал и скучающе поглядывал в распахнутое настежь окошко. Потом встал и рассеянно подошел к Небесному Уголку – миниатюрному пантеону, без которого не обходилось на Ксантине ни одно жилище.

Небесный Уголок в доме старосты представлял собой деревянную, в три полки, этажерку, уставленную вырезанными из крашеной кости фигурками Всемилоствейших Богов. Не всех, конечно, а только особо почитаемых хозяевами этого дома.

Сам Темьян наиболее чтил величайшего из Всевластных – Бога Молний, которого обычно изображали с длинными, падающими на плечи волосами, короткой курчавой бородой, фиолетовыми глазами и молниями в руках. Парень поискал глазами знакомый силуэт. Да, разумеется, статуэтка была, стояла в самом центре, на почетном месте. Темьян удовлетворенно кивнул. Все правильно, Верховный Бог – почетное место.

Внезапно с улицы раздался шум и крики. Кто-то с воплями и причитаниями приближался к дому.

– Эй, выясни, что там, – приказал Келвин одному из разбойников.

Через некоторое время в дом ввалилась толстая пожилая рыбацка и с плачем кинулась на колени перед разбойниками.

– Кто ее пустил? – нахмурился Келвин. – Убрать немедленно.

Женщина вцепилась ему в ноги.

– Смилуйтесь!.. Пощадите!.. – закричала она. – Оставьте мою!.. Не трогайте!.. Пропадут без нее!.. Вдова я, без кормильца! Как есть пропадут!

– За дочку, что ли, просишь? – поморщился Келвин.

– При чем здесь дочка? – удивилась рыбацка. – Я о свинье.

– Ну, ты, тетка, даешь, – покрутил головой Хмарь. – Дочку не жалко, а о свинье убиваешься!

– Так дочку кормить надо, а свинья, наоборот, меня прокормит, – рассудительно объяснила та.

– Слышь, тетка, – буркнул Келвин, – не морочь нам голову. Проваливай, пока целая.

– Смилуйтесь! – еще громче завопила баба. – Отдайте! А взамен моей заберите ту, приبلудную.

– Свинью, что ли?

– Не свинью – девку!

– Чего ты несешь? – рассердился Келвин. – Какую приبلудную девку?

– А вон ту, – женщина ткнула рукой в окошко.

Туда, на площадь перед домом старосты, разбойники согнали всех жителей деревни. Среди них стоял молоденький чумазый паренек в драном картузе и донельзя замызганной бесформенной одежде. Именно на него и показывала женщина.

– Не парень это. Девка. Пусть меня Боги покарают, девка! Ряженая она.

Заинтересованные разбойники выскочили из дома. Темьян неохотно оторвался от созерцания Небесного Уголка и поплелся следом за Келвином. Урмак не выспался и очень хотел есть.

Завидев приближающихся разбойников, парнишка бросился бежать, но его быстро догнали, скрутили и потащили к Келвину.

– Отпустите его, – скомандовал главарь. – Сейчас разберемся, кто тут ряженный.

Разбойники окружили их кольцом, но руки парнишки выпустили.

Лицо пленника покрывал такой толстый слой грязи, что разглядеть черты оказалось невозможно. Келвин брезгливо поморщился и сорвал изгвазданный, засаленный картуз с головы грязнули. Тотчас изумительные кудри пшеничным водопадом хлынули вниз, окутывая бесформенную фигуру мальчика, вернее, девушки, драгоценным мягким плащом.

– Так-так... – Келвин резким движением разорвал темную, грязную рубаху, скрывающую силуэт пленника, и замер, уставившись на обнажившееся совершенство.

Нежная, чуть тронутая золотистым загаром кожа. Соблазнительные полукружия грудей с небольшими розовыми сосками. Тонкая талия и крутой изгиб бедер, теряющийся где-то за драными, бесформенными штанами маскарадного костюма девушки.

Разбойники восхищенно присвистнули.

– Вот это да! – воскликнул одноглазый Томвуд.

– И вправду девка. Да какая! – добавил Хмарь.

Злобно зашипев, пленница оттолкнула Келвина и быстро запахнулась в свои лохмотья.

Келвин мельком глянул на стоящую ближе всех бабу:

– Воды! Живо! – Он схватил девушку за подбородок, заставляя поднять голову. – Волосы и фигурка у тебя что надо, сейчас посмотрим на твою рожицу.

Пленница отшатнулась. Ее ресницы яростно взметнулись, открывая огромные яркосиние глазищи, горящие на чумазом лице подобно драгоценным сапфирам.

– Только посмей меня еще раз тронуть! – злобно прошипела она.

– И что будет? – усмехнулся Келвин.

– Я убью тебя! – отрезала пленница.

– Ты говоришь как мужчина. – Главарь разбойников досадливо поморщился. – Смирись со своей участью, она не так уж и плоха. Ты, вероятно, хороша собой. Тебя купит какой-нибудь богатеи и будет всю жизнь холить и нежить. Рядить в шелка и самоцветы. Кормить устрицами и пирожными. А здесь чего хорошего? Нищета да тяжкий труд. Нарожает кучу сопливых детей какому-нибудь деревенскому увальню. Будешь вставать ни свет ни заря. Работать, не разгибая спины. А так... – Келвин повысил голос, обращаясь ко всей деревне: – Ваши дочери получают куда лучшую жизнь, чем они имели бы здесь. Они будут жить в богатстве и довольствии...

– Так вы не разбойники, а благодетели, – злобно сощурилась пленница. – Может, вам еще и приплатить за разбой?

Келвин не удержался от усмешки, а Хмарь удивленно вскинул брови:

– Ох, и дерзка ты, девка! Ты непохожа на деревенскую.

Баба, что ходила за водой, подобострастно приблизилась к разбойникам и зашептала:

– Ненашенская она. Пришлая. Беглая, видать.

– Умой ее, – приказал Келвин.

Баба сунулась к пленнице с ведром, но та царственным движением отстранила ее и сама тщательно умылась колодезной водой. Затем вскинула голову и, вызывая прищурив глаза, в упор уставилась на Келвина:

– Ну, как, «благодетель», не разочарован?

– М-да, – протянул тот.

– Берем ее. – Хмарь пихнул главаря кулаком в плечо. – За нее можно получить целое состояние!

Келвин промолчал, задумчиво глядя поверх голов на свивающиеся в причудливые фигуры быстрые облака. Одно из них приняло очертание приготовившейся к прыжку кошки. Главарь содрогнулся и машинально покосился на Темьяна, который стоял рядом и зевал.

– Ты чего, а? – снова пихнул главаря Хмарь.

– Предчувствия... Эта девчонка принесет беду, – нехотя процедил Келвин.

– Так отпустите меня, – встрепенулась пленница.

– Келвин! Да ты в своем уме! – ахнул Хмарь. – Какие предчувствия? Хочешь, заплатим магу за амулет или защитное заклинание, но ее надо брать!

– Ладно, не дави на меня, – главарь поморщился, прогоняя наваждение. – Я просто сказал о предчувствиях... А ее мы, конечно, заберем. Ты прав, за эту девку много заплатят, это точно.

Пленница демонстративно вздернула точеный носик и отвернулась.

– Темьян, – позвал Келвин. Тот дернулся, застигнутый окриком посреди зевка, и вопросительно посмотрел на главаря. – Сторожи ее, глаз не спускай.

– Может, пусть лучше кто другой? – испугался урмак. Он только теперь по-настоящему взглянул на пленницу. Девушка показалась ему такой маленькой и хрупкой, что он побоялся неосторожным движением ей как-то повредить. – Почему именно я?

– Потому что я так сказал! – отрезал Келвин.

Темьян тяжело вздохнул, но, как всегда, не посмел послушаться. Урмак перевел растерянный взгляд на пленницу. Она насмешливо улыбнулась ему:

– Не бойся, бугай. Я не кусаюсь.

3

К вечеру разбойники добрались до хутора Пола Чесмана, который был старым приятелем Келвина. Одно время они вместе служили в армии барона Ливаги, но обоим быстро наскучило подчиняться чванливым и не слишком умным командирам, и они дружно дезертировали, занявшись каждый своим делом.

Чесман жил без семьи. Занимался охотой и выращивал на своем хуторе запрещенный во многих странах, а потому ценнейший табак, который потом контрабандой перевозил в соседнюю Беотию.

По хозяйству ему помогали молчаливая полногрудая деваха и три апатичных невольника, предплечья которых украшали небольшие татуировки: красный круг с голубем внутри.

Эта мета – признак раба – наносилась магами и служила своеобразным маячком и охранником, подавляя волю, эмоции и желания. Постепенно заклеянный превращался в тупое, равнодушное животное в человеческом облике – покорное и не помышляющее о побеге.

После обычных приветствий разбойники стали лагерем, размещаясь в многочисленных сараюшках, а то и просто во дворе, прихватив с сеновала душистые охапки свежескошенного сена.

Келвин с особо приближенными разбойниками и семьей пленницами устроились в доме. Темьян, как всегда, был рядом с ним.

Гостеприимный хозяин велел накрыть стол с крепким домашним вином, и пиршество началось. Деревенские девушки поначалу испуганно жались друг к другу и отказывались от угощений, и только златокудрая красавица вела себя непринужденно. Она сидела между Келвином и Темьяном, с аппетитом пила и ела все подряд. Да еще командовала смущающимся от случайных прикосновений ее руки урмаком, заставляя подавать ей самые лучшие куски и подливать вина. Впрочем, несмотря на выпитое, хмель, казалось, совсем не затуманил ее разум.

Келвин все посматривал на нее и наконец не выдержал:

– Ты кто такая, а? Больно смелая.

– А мне терять нечего, – обаятельно улыбнулась незнакомка. – Я ведь и вправду беглая.

– От отца да нелюбого жениха? – саркастически усмехнулся Келвин.

– От жертвоприношения.

Темьян затаил дыхание, боясь пропустить хоть слово. Он кое-что знал о жертвоприношениях.

– Продали меня. Отец и продал. – Девушка помрачнела. – Так что не получишь ты за меня денег. Никто не купит – побоятся.

– А я тебя в соседней Беотии продам, – не сдавался Келвин.

– ОНИ достанут и в соседней, – вздохнула незнакомка.

– Потом, может, и достанут, но я-то уже успею получить за тебя куары.

– Там видно будет. – Девушка легкомысленно махнула рукой и ударила кулачком по руке Темьяна. – Ты что рот разинул? Вина мне еще!

Вскоре мужчины опьянели, стали поглядывать на пленниц с определенным интересом. Кто-то кого-то уже сажал на колени и залезал под юбки. Девушки поумнее смирились со своей судьбой и не сопротивлялись, но некоторые плакали, пробовали отбиваться, и это еще больше раззадоривало разбойников. Послышался женский визг, мужской смех, треск рвущейся одежды.

– Эй, поосторожнее там, без вывихов и синяков! Нам их еще продавать, – прикрикнул Келвин на особо рьяных разбойников и окинул златовласую незнакомку масляным взглядом.

Девушка в ответ брезгливо поморщилась:

– Даже и не думай, понял?

– Это еще почему? Ты такая же невольница, как и они. Разве что во сто крат красивее, – игриво ответил Келвин. – Но если ты стесняешься при всех, мы с тобой найдем укромный уголок, где будем только вдвоем...

– Ты помнишь, что я сказала? Кто дотронется до меня без моего разрешения, умрет.

– Да неужели?

Келвин засмеялся, привлек девушку к себе и поцеловал, но тут же с криком выпустил, изумленно глядя на свое окровавленное плечо. Незнакомка держала в руке кухонный нож, с помощью которого только что ела мясо, и выглядела очень решительной. Было ясно, она сумеет наделать дел и таким, не очень-то серьезным оружием. Но воинственная красавица совершила ошибку, не приняв в расчет Темьяна. Неуклюжий увалень в быту, в экстремальных условиях он имел реакцию атакующей кошки. Миг – и нож переключался к нему, а пленница только растерянно хлопала ресницами, не в силах понять, как это произошло.

Все трое во время короткой стычки вскочили из-за стола, с грохотом опрокинув скамью. За столом воцарилось молчание. Разбойники пьяно тарашились на них, не понимая, что произошло.

– Ах ты тварь! – прошипел Келвин и замахнулся на девушку кулаком.

Темьян перехватил его руку.

– Можно я уведу ее отсюда? – взмолился он. – Запру где-нибудь в чулане до утра.

Несколько мгновений главарь разбойников буравил всегда такого послушного урмака бешеным взглядом. Затем успокоился.

– Ладно, – разрешил Келвин. – Убери ее с моих глаз долой. Кстати, можешь сам позабавиться с ней, если захочешь. Только учти, она, скорее всего... – Он притянул Темьяна к себе и что-то тихо прошептал ему на ухо.

4

Урмак и пленница вышли во двор.

Наступила теплая звездная летняя ночь. Во дворе хутора там и сям светили факелы и костры, возле которых пировали пьяные разбойники. А вдалеке чернел лес, сливаясь кронами с темнеющим небом.

– Тебе не стоило злить его, – сказал Темьян, разглядывая далекую звездную черноту.

– А ему – меня! – отрезала девушка.

Парень укоризненно покачал головой.

– Келвин на самом деле неплохой. Он резкий, но не злой. Да и женщины его любят. Видала бы ты, как его встречают в трактире «Три свечи», в Терпе!

– Местные шлюхи, небось? Так они кого хочешь полюбят, лишь бы заплатили, – презрительно фыркнула незнакомка.

– Зря ты так... – Темьян помялся, но все-таки продолжал: – Келвин на тебя явно глаз положил. И если бы ты... ну... повела себя иначе, он, скорее всего, помог бы тебе спрятаться от стражников.

– Вряд ли, – покачала головой незнакомка. – Этот твой обожаемый Келвин слишком жаден и самовлюблен. Он охотно провел бы со мной ночь, а утром продал бы тем же стражникам. Или любому другому, кто больше заплатит. Зато ты другое дело... – Она перевела взгляд на Темьяна. В неверных отблесках костров ее синие глаза вдруг показались ему двумя омутами, глубокими и притягивающими. – Если с тобой я «поведу себя иначе», ты отпустишь меня на свободу?

Темьян растерянно глядел на нее, чувствуя, что тонет в загадочном мерцании сапфировых глаз. Она негромко засмеялась, явно забавляясь его замешательством, и насмешливо спросила:

– Ну, что ты застыл? Где же твой чулан? Пойдем скорее... Или... А, может, ты сразу отпустишь меня?

– Нет, – замотал головой Темьян.

Они прошли по двору и вошли в небольшой сарайчик, где хозяин хранил лопаты и другие инструменты. Темьян запалил плошку и приладил ее в уголке.

Девушка по-хозяйски огляделась:

– Здесь тесновато будет.

– Для чего?

– Ну... чтобы я повела себя иначе, – вкрадчиво ответила она, как бы невзначай распахивая разорванную рубаху.

Темьян машинально посмотрел на нее и уже не смог отвести взгляда. Его сердце дало странный сбой, а потом обрушилось гулками, тяжелыми ударами и погнало кровь густой волной прямо в пах.

– Принеси сена и убери отсюда весь этот хлам, – деловито распорядилась пленница.

Ее голос вывел парня из оцепенения. Он смог кое-как восстановить дыхание и замялся у входа.

– Я не сбегу, не бойся, – разгадала его мысли девушка. – Вернее, сейчас не сбегу. Слово даю.

Это было произнесено таким тоном, что урмак поверил: да, она умеет держать слово. К тому же во дворе было полно разбойников, и ей так и так не удалось бы уйти незамеченной.

Темьян вздохнул и послушно пошел за сеном.

Когда он вернулся, она не утратила решимости, но слегка растеряла уверенность, сильно волновалась и прятала взгляд. Тем не менее, девушка скинула рубашку и потянулась развязывать тесемку своих невообразимых маскарадных штанов.

– Я все равно не смогу отпустить тебя без разрешения Келвина, – честно предупредил Темьян и понял, что пленница не поверила. Она знала, что очень красива, и считала, что может заставить мужчину сделать все, что ей угодно.

– Ты долго еще будешь стоять столбом, бугай? Или решишься наконец подойти ко мне?

Обострившейся звериной интуицией Темьян понял, что за нарочитой грубостью слов девушка пытается скрыть неуверенность, и ему вдруг показалось, что наедине с мужчиной она впервые. Она напугана, но не видит другого выхода и пытается хоть как-то взять ситуацию под контроль.

Он остался стоять у входа. Мысли его путались. Горячее желание толкало к ней, но ощущение неправильности происходящего удерживало на месте.

– Послушай, я действительно не смогу отпустить тебя! – в его голосе прозвучала мольба.

– Ты так боишься своего главаря? Ты сильнее, я же видела! Ты можешь убить его и стать главным в банде. А я подскажу, как лучше это сделать.

Урмак помотал головой, отчаявшись объяснить, что ее слова – глупость, а все происходящее – нелепость. Она истолковала его жест по-своему:

– Понятно. Ты из тех идиотов, которым не нужна власть.

Девушка справилась наконец со штанами, оставшись полностью обнаженной. Видя его смятение, она обрела почву под ногами. Уверенно подошла вплотную, касаясь твердыми сосками его обнаженного торса. Задрала голову, пытаясь поймать взгляд парня своими загадочными глазищами.

– Если ты сейчас откажешься, бугай, то будешь жалеть об этом всю жизнь. У тебя никогда не было и не будет такой женщины, как я.

Карие глаза Темьяна изменили цвет: потемнели, став почти черными. Ах, так! Не было, говоришь. Пожалуй, стоит наказать ее за гонор и самомнение. Он честно предупредил, что не отпустит, а если она не поверила – что ж, это ее проблема.

Урмак повалил незнакомку на сено, разделся и стал целовать ее, чувствуя под руками и губами упругую грудь и нежное, восхитительное тело. Она почти не отвечала на ласки, но и не отстранялась, и Темьян никак не мог понять, нравится ли ей то, что он делает и готова ли она впустить его в себя или надо еще подождать.

– Пообещай, что потом отпустишь меня, – чуть задыхаясь, пробормотала пленница в перерыве между поцелуями.

– Нет.

– Что?!

– Я не отпущу тебя без разрешения Келвина.

– Ах, так!

До нее наконец-то дошли его слова. Она обозлилась и попыталась скинуть руку урмака со своей груди и отстраниться. Куда там! Легче отодвинуть скалу.

– Не трогай меня! Я не хочу! Убери свои грязные лапы, обманщик! Сейчас же отпусти меня! Ты мне противен, урод!

Девушка лупила его кулачками и извивалась всем телом, пытаясь освободиться. Не отвечая, Темьян заломил ей руки. Он уже не мог остановиться и плохо воспринимал слова. Ему казалось, что весь мир качается в жарком, сладостном тумане. Плевать, готова она или нет! Коленом он раздвинул ей ноги, собираясь войти в нее. И тут она перестала дергаться и заплакала – тихо и отчаянно.

Темьян окаменел, чувствуя на губах соленую влагу. Ему вдруг показалось, что внезапно его хлестнули по лицу мокрой тряпкой. Грязной и холодной. Наотмашь.

Несколько мгновений он смотрел ей в лицо, на трясущиеся, мокрые губы и крепко зажмуренные глаза с капельками слез, потом отодвинулся. Надел штаны. Вздыхнул, слушая ее сдавленные рыдания. Буркнул:

– Хватит плакать, не бойся, не трону.

В ответ она взревела громче и внезапно уткнулась мокрым лицом ему в плечо. Темьян на миг опешил, а потом неуклюже погладил ее по волосам, приговаривая:

– Ну-ну, не плачь. Не плачь... Испугалась? Ты девственница, да?

Девушка еле заметно кивнула, не отрываясь от его плеча, и шмыгнула носом. Только сейчас Темьяну пришло в голову, что пленница совсем еще девчонка. Ей лет пятнадцать, не больше, и по меркам урмаков она считалась бы несовершеннолетней, хотя у людей в этом возрасте девушек уже выдавали замуж.

Судя по всему, то, что сказал Келвин ему на ухо, все-таки правда – она настоящая принцесса. Значит, и житейского опыта у нее совсем нет. А есть только гонор и спесь избалованной королевской дочки, которая впервые столкнулась с реальной жизнью и неумело пытается управлять людьми и событиями.

И еще Темьян подумал, что он полный дурак – сидит в обнимку с обнаженной красивой девушкой и целомудренно гладит ее по волосам, вместо того чтобы завалить на сено и продолжить начатое. Тем более что она сама напросилась, он не заставлял ее раздеваться. Подумаешь, заплакала! Кто же в Саарии обращает внимание на женские слезы! И потом, уже завтра эта девчонка окажется собственностью какого-нибудь богатея, который не станет с ней церемониться. У тех, кто покупает себе женщин, правило простое: раздвигай ноги, детка, и улыбайся, а не хочешь повиноваться, получай розги. Так пусть уж лучше она лишится девственности с ним, с Темьяном, а он будет очень осторожен и нежен и постарается доставить ей удовольствие...

Словно прочитав его мысли, пленница заметно напряглась и тихо спросила:

– Можно я оденусь?

– Конечно. – Темьян почувствовал сильнейшее раздражение. В глубине души он надеялся на другое развитие событий: что она оценит его благородство и все же отдастся ему – просто так, безо всяких условий, потому лишь, что он понравился ей.

Как бы не так!

Испытывая болезненное разочарование, парень сел к незнакомке спиной, поджав ноги и почти упираясь носом в стену сарайчика.

Она пошуршала одеждой и забилась в противоположный угол. Но вскоре опять осмелела и устроилась поудобнее, вольготно раскинувшись на мягком сене.

– Почему ты не носишь оружия? – спросила девушка.

«Стерва!» – подумал урмак и стиснул зубы. Неудовлетворенное желание отзывалось в паху мучительной болью, а чарующий голос незнакомки обернулся ножом, полоснувшим по обнаженным нервам.

– Ты что молчишь? – Она придвинулась к нему и провела пальчиком по широкому ровному шраму – следу от удара иззубренной секирой, который в числе прочих украшал его спину.

Темьян тихо выругался сквозь зубы. Он был зол на нее, на себя и на весь мир.

– Поговори со мной! – Кажется, девушка опять собиралась плакать.

Парень чувствовал на своей спине ее дыхание. Ему хотелось одновременно и ударить ее, и поцеловать.

– Темьян, – прошептала пленница и всхлипнула. Оказывается, она запомнила его имя!

– Ну что?

– Почему у тебя нет ни меча, ни кинжала?

– Мне не нужно никакое оружие, – нехотя ответил он, не оборачиваясь. – Я сам оружие.

– Как это?

Парень вздохнул. Отвечать не хотелось, но ведь все равно не отстанет.

– Я урмак.

– Вот как, – протянула она. – Конечно же! Как же я сразу не догадалась! Ты такой большой и сильный. И любишь ходить без рубашки и башмаков. А шрамы у тебя на спине, а не на груди.

Она совсем обнаглела – втиснулась между ним и стеной сарайчика, встала на колени, оказавшись лицом на уровне его лица, и принялась бесцеремонно разглядывать. Ее сочные губы были совсем близко от его губ, а синие глаза таинственно мерцали в полумраке. Темьян хотел отвернуться, но девушка положила руки ему на плечи, удерживая, и молодой человек не посмел ее оттолкнуть.

– Так-так. Подбородок... пожалуй, квадратный... Лоб низковат, скулы грубоваты... Вы, урмаки, словно вырублены из камня.

Темьян все-таки вырвался и поспешно отвернулся. Она продолжала говорить:

– Да, ты урмак... Только у тебя все как-то сглажено, что ли. Не такие грубые черты. И потом, светлые волосы и темные брови – признак хорошей породы. Наверное, в твоих жилах есть капля человеческой крови: какая-нибудь знатная дама не устояла перед твоим мужественным предком. Да, для «звериного человека» ты слишком смазливый. Хотя... – девушка презрительно хмыкнула, – кое-что у тебя точно нечеловеческое, раз ты сумел устоять передо мной, первой красавицей Ксантины. Ко мне, между прочим, принцы сватались. И какие! Красавцы, богачи. Манеры, воспитание. Не чета тебе, голодранцу. Самоцветы мне под ноги пригоршнями бросали за один только мой взгляд. А ты!.. Какой-то урмак!.. Разбойник!.. Посмел отказать... когда я сама предложила тебе – ничтожеству, зверю, тупому уроду...

– Ну, хватит!!! – взорвался Темьян, в первый момент даже растерявшись от такой наглости. Его терпению пришел конец! Да она просто издевается над ним!

Парень повернулся к принцессе, почти не владея собой. Сейчас он покажет этой нахалке, на что способен «зверь и тупой урод»!

– Прости, Темьян! – Девчонка испуганно отшатнулась. Золотистая прядь упала ей на лицо, скрывая глаза. – Не сердись! Пожалуйста, не сердись! Я веду себя так, потому что мне очень страшно. Ведь я отлично понимаю, что от жертвоприношения не убежать. Можно лишь отстрочить его, выиграть время. Но рано или поздно ОНИ все равно найдут меня и предадут мучительной смерти... Если бы ты только знал, как мне страшно! Я не хочу умирать!

Урмак растерянно посмотрел на принцессу, остывая. Признался:

– Я знаю, что такое жертвоприношение. Видел своими глазами.

– Тогда ты должен меня отпустить! Мое единственное спасение – постоянное движение. Я не могу сидеть в доме какого-нибудь богатея, которому вы меня продадите, и ждать, когда ОНИ придут за мной!

Темьян опустил голову и промолчал. Конечно, она права. Но без разрешения Келвина он не может отпустить ее. Ничего, утром урмак поговорит с главарем, и все как-нибудь уладится.

Принцесса восприняла его молчание, как отказ.

– Ладно, забыли об этом, – вздохнула она.

Теперь они сидели на сене рядом, почти касаясь плечами друг друга. Темьян немного расслабился. Им овладело странное чувство. Ему вдруг захотелось, чтобы ночь никогда не кончалась. Чтобы они так и сидели рядом и говорили о пустяках. Или просто молчали. Может быть, целовались. А если свершится чудо, и она вдруг захочет...

Но долго молчать принцесса не умела:

– Так ты урмак. Настоящий или из этих, недоделанных?

Темьян неопределенно повел плечами. Он не любил говорить об этом. Пусть думает, как хочет.

Но пленницу такой ответ не устроил.

– У тебя есть способность к вариации? – настаивала она. – Ты оборотень или просто тупой кровожадный верзила?

– Оборотень. – Темьян, как и каждый урмак, привык слышать в адрес своей расы всякую брань, обвинения в тупости и жестокости. Обычно он не обращал внимания на подобные слова. Но сейчас ему стало неприятно.

– И сколько обличий ты способен принимать? – не отставала пленница. – Сколько у тебя вариаций?

– Четыре.

– Сколько?! – не поверила она.

Темьян отлично понимал, что его слова прозвучали как ложь и хвастовство. Раса урмаков с каждым годом все больше вырождалась. Если несколько веков назад каждый урмак был оборотнем, умеющим принимать три-четыре обличия, то сейчас большинство соплеменников Темьяна могли оборачиваться только Пауками. Или вообще утратили способность к вариации, превратившись в «недоделанных тупых кровожадных верзил», как метко выразилась принцесса.

Урмаки даже с тремя вариациями стали в мире Кстантины редкостью, поэтому слова Темьяна о четырех обличиях вызвали у принцессы законное недоверие.

Но он не только не преувеличил свои способности, а, наоборот, преуменьшил их. На самом деле у него была еще и пятая личина – самая необычная и таинственная. Темьян прибежал к ней всего дважды, и его охватывала дрожь при воспоминании об этом. Никто, даже Келвин, не знал про эту пятую ипостась.

– Четыре! Так много! Не может быть! – не унималась принцесса. – Я слышала только о Пауках, Кабанах и Волках. А четвертая какая?

– Дракон. А вместо Волка у меня Барс. Снежная кошка. Мой отец был горцем.

– Вот это да!!! Если не врешь, тогда что ты делаешь в банде? Да в армии любого короля подобные тебе на вес золота! Ты легко станешь знатным и богатым. Вас таких по пальцам сосчитать можно. Прирожденный боец, идеальное оружие!

Темьян замялся. Он не мог сказать ей правду, но и врать тоже не хотелось. Оставалось отделаться ничего не значащими фразами:

– Мне приятно, конечно, все это слышать, но ты сильно преувеличиваешь мои способности и возможности. И потом, нас таких не так уж и мало.

– Не скажи! – Девчонка в возбуждении вскочила на ноги. – Вот я, к примеру, ни разу не видела настоящего боевого урмака-оборотня, хотя в армии моего отца... – она осеклась, поняла, что проговорила и запоздало зажала себе рот ладонью.

– Ты дочь короля? – спокойно спросил Темьян. – Которого? Не саарского – это точно. У него сыновья.

Пленница промолчала, демонстративно отвернувшись.

– Можешь не отвечать. – Темьян пожал плечами. – Только Келвин уже давно догадался, что ты принцесса.

– Это он тебе сказал?

– Да.

Она помолчала, что-то обдумывая.

– Ладно... А может, ты покажешь мне свой боевой облик? Я никогда не видела настоящего урмака-оборотня. Ну пожалуйста, Темьян!

Ее синие глаза блестели нестерпимо ярко, в них вроде даже было немножко восхищения, и парень, конечно же, не смог устоять. Он огляделся.

– Здесь слишком мало места.

– Выйдем во двор? – предложила она.

Темьян помялся. Во дворе полно разбойников, и его «показательное выступление» не сможет пройти незамеченным, а ему не хотелось сейчас становиться предметом их насмешек. Не при ней.

– Мы можем выйти за ворота, – вновь разгадав его томление, предложила девушка. Темьян долго колебался, но все же сдался и кивнул.

Прихватив по дороге факел, они вышли с хутора, прошли еще немного, приблизившись почти к самому лесу. Остановились. Темьян выбрал местечко поровнее и воткнул факел острым концом в землю.

– С чего начать? – спросил урмак.

– С Кабана, – не задумываясь, ответила принцесса.

– Закрой глаза, – попросил Темьян.

– Зачем? – Девчонка удивленно вскинула брови.

– Чтобы изменить облик, мне... придется снять штаны, – испытывая невероятное смущение, объяснил он. – Как только закончу превращение, скажу, и ты сможешь открыть глаза.

– Хорошо. – Девушка послушно смежила веки.

Темьян разделся, несколько раз глубоко вдохнул и привычно начал превращение...

– Можешь открыть глаза.

Принцесса поспешно распахнула синие любопытные глазищи. Перед ней стоял чудовищный монстр ростом с доброго быка, отдаленно напоминающий гигантскую свинью. Массивные ноги-тумбы. Толстая, складчатая шкура, способная выдержать прямой удар меча. Огромная, усеянная большими треугольными зубами пасть, которая могла запросто перекусить хребет лошади. Длинный, гибкий хвост с роговым шаром, усеянным прочными колючими шипами, играющий роль смертельно-опасной булавы. Покрытые костяными кинжалами бока. И в довершение – острый, плоский, изогнутый, как сабля, рог, торчащий прямо из массивной головы между маленькими глазками, прикрытыми складчатыми веками.

– Вот это да! – протянула девушка. – А это и вправду ты?

– Конечно. – Он произносил слова не очень отчетливо, словно ему было трудно говорить. – Ну, посмотрелась? Теперь опять закрой глаза, я буду превращаться обратно.

– Подожди! – принцесса отступила немного ближе к лесу. – Вначале я хочу кое-что сказать тебе, Темьян. Ты мне сразу очень понравился. И я совсем не считаю тебя тупым уродом, которого надо держать в клетке, как большинство людей думают про урмаков. Ты очень симпатичный. И совсем не грубый, даже наоборот, – девушка хихикнула, явно намекая на их неудавшуюся близость. – Но пойми, мне нужно оставаться свободной, чтобы выжить. Я не хочу умирать!

Она отступила еще немного, углубляясь в лес, который почти сразу переходил в густую, непролазную чащобу.

– Эй, подожди! Что ты делаешь?! – Темьян все еще не понимал, что происходит.

– Я ухожу. Прости! – Девчонка повернулась и быстро скрылась в пуще.

Урмак зарычал и спешно начал обратное превращение. Он отчетливо понимал, что в своем теперешнем обличье ни за что не продерется сквозь густые дебри, а пока обернется человеком, пока наденет штаны – не бежать же по лесу голым – она уже успеет затеряться в хитросплетении ветвей. Впрочем, приняв облик Барса, можно попытаться выследить ее, но...

Только теперь до него дошло, что принцесса сознательно и расчетливо готовила обман. Что, будучи королевской дочкой, не могла не видеть боевых урмаков-оборотней – в каждой армии всегда есть парочка-другая. И, вероятно, знала, что ему придется раздеваться. И личину Кабана выбрала как самую массивную и неповоротливую. И к лесу выманила, понимая, что он не успеет сразу пуститься в погоню – ведь на превращения требуется некоторое время. А если знать нужный заговор и иметь соответствующий амулет, то легко можно сбить со следа любого зверя, и оборотня в том числе. У нее на шее что-то такое висело на шнурке – то ли драконий спас, то ли ведьмины волосы.

В общем, принцесса все рассчитала, уповая на природную тугодумность урмаков.

Она играла с ним и использовала его! А он, романтичный дурак!..

Темьян растерянно поглядел ей вслед и медленно побрел к Келвину – каяться.

Келвин встретил новость достаточно спокойно. Убежала, и ладно. Проблем меньше. Еще неизвестно, удалось бы ее продать или нет – от предназначенных для жертвоприношения бежали как от чумы. К тому же главарь разбойников уже всласть натешился с другими, не такими красивыми, но более покладистыми пленницами и пребывал в благодушном настроении. Он хлопнул мрачного урмака по плечу и пьяно спросил:

– Ты хоть догадался поиметь ее, прежде чем отпустить?

– Да не отпускал я ее! – возмущенно завопил Темьян. – Она обманула меня и сбежала!

– И не дала?

– Нет.

– А ты пытался?

– М-м-м...

– Умная девочка, – ухмыльнулся Келвин. – Сразу поняла, что сможет из тебя веревки вить. Небось, заплакала, ты и отступил.

– Ну...

– И меня наверняка уговаривала убить, – продолжал Келвин. – Мол, завладеешь властью в банде, поможешь ей спрятаться от стражников, и будете жить вместе долго и счастливо. Да?

– Точно, – улыбнулся Темьян.

– Молодец принцесса. Готова на все и не останавливается ни перед чем. Кроме обалденной внешности у нее и характер что надо. Похоже, тебе очень повезло, что между вами ничего не было.

– Почему? – удивился урмак.

– Так тебе будет легче забыть ее. Пойми, Темьян, можно отдавать женщине свое тело, но ни в коем случае не душу. А такие, как она, забирают у мужчины все без остатка, а потом выбрасывают, как старую, ненужную тряпку.

– Ты ошибаешься, Келвин. Она не такая! Она напуганная и беззащитная. Она...

Келвин посмотрел на Темьяна странным взглядом:

– М-да... Ладно, не бери в голову. Забудь. Выпей. Расслабься. Выбери себе кого-нибудь из пленниц и развлекись, как следует. Кстати, рекомендую Марту. Вон ту, беленькую. Она такое вытворяет, что просто улетаешь! У нее, судя по всему, в этом деле немалый опыт... Эй, Марта! Иди-ка сюда.

Темьян вздохнул и подумал, что кое в чем Келвин прав: ему надо как можно скорее выкинуть принцессу из головы. И предложенный Келвином способ не самый плохой.

Урмак налил себе вина и стал с интересом разглядывать приближающуюся девушку...

5

Месяц спустя

Королевство Саария, городок Бугге

Было давно за полночь, когда Келвин, Темьян и еще один разбойник по прозвищу Гныш подошли к небольшой закуской возле ярмарки.

В столь поздний час ярмарка уже не работала, да и в закуской посторонних посетителей не было. Днем здесь обычно не протолкнуться от желающих промочить горло и перекусить, но как только последний торговец покидал площадь, заведение пустело. Уставшая кухарка гасила очаг, замотанная прислуга сгребала грязную солому, устилавшую пол, убирала тарелки и расходилась по домам до следующего утра.

Хозяин закуской Мунт Фарбер, грузный мужчина в годах, тоже обычно не засиживался допоздна. Но сегодняшняя ночь стала исключением – он ждал Келвина.

Закусочная приносила Фарберу неплохой доход, но у него имелась и еще одна денежная подработка. Вот уже год он был осведомителем Келвина – сообщал о богатых купцах, которые, распродав товар, собирались в обратный путь домой с мошной, наполненной куарами.

На ярмарку в Бугге стекались торговцы со всей Карматской низменности. Некоторых сопровождали отряды наемников, другие от жадности ограничивались только парой охранников, надеясь на великую силу «авось».

«Авось проскочим! Авось пронесет!» – под таким девизом вообще, как ни странно, живет очень много людей. А уж для авантюристов всех мастей это вообще единственно-возможный образ жизни.

Фарбер сообщал разбойникам время, маршрут и количество охранников, а Келвин уже сам решал, где и когда лучше всего подстеречь жирную добычу.

Вот и теперь, получив от Фарбера послание, мол, есть выгодное дельце, нужно встретиться, Келвин, не мешкая, отправился в Бугге.

– Гныш, останься снаружи, – велел разбойнику главарь, а сам с Темьяном пошел в дом.

В закуской было темно – свет давали лишь три свечи в медном подсвечнике, который стоял на барной стойке. Сам Мунт Фарбер сидел рядом и задумчиво потягивал эль из огромной терракотовой кружки. Его брови то и дело хмурились – размышления явно были невеселые.

Завидев разбойников, он тряхнул головой, прогоняя мысли прочь. Наполнил еще две кружки пенистым элем и придвинул гостям:

– Здорово, головорезы. Не сдохли еще, бродяги?

– Твоими молитвами, толстяк, – привычно парировал Келвин. – Небось, каждую седмицу за наше здоровье Богам поклоны бьешь?

– Бью, – согласился Фарбер. – Как не бить. Вы ж мне куары приносите.

– Вот-вот. Мошна-то, небось, уж полна? Пора тебя растрясать, Мунт. Ох, и пора, – протянул Келвин.

– Ага, давай. А потом сам себе добычу на ярмарке ищи. – Фарбер ничуть не испугался угроз. Такая пикировка давно стала приветственным ритуалом.

Разбойник и осведомитель были нужны друг другу, и оба отлично понимали это.

Келвин фыркнул, сел за стойку и пригубил эль.

Темьян, как обычно, в перепалке не участвовал. Он тоже хлебнул эля и стал разглядывать несколько листков бумаги – так называемые сторожевые грамоты с портретами тех, кого разыскивает стража. Фарберу еще днем выдали их, чтобы развесить на стенах закуской, но он замотался и не успел. Они так и остались лежать на стойке.

Темьян перебирал грамоты. Изображенные на двух из них мужчины были ему не знакомы, а вот третий портрет...

– Келвин! Глянь! – Урмак пихнул главаря кулаком в бок и сунул ему под нос сторожевую грамоту.

– Ого! Наша старая знакомая! – С листка смотрела златокудрая принцесса.

– Знакомая? – Фарбер тоже посмотрел на портрет, прочитал вслух: – Нефела Баркона. Разыскивается повсеместно. За живую награда в размере... ого... – Он замолчал, потеряв дар речи.

– Пять тысяч золотых куаров. Награда будет выдана из королевской казны в Терпе, – договорил за него Келвин. – М-да... А наша принцесса-то и впрямь «золотая». Этакie деньжищи! Да на них весь Бугге купить можно!

– Она не принцесса, а графиня, – машинально поправил его Фарбер. Он никак не мог прийти в себя. Слишком уж огромную сумму обещали за беглянку. – Есть такое графство Баркона. Богатое, кстати. У нас, в Бугге, был как-то раз купеческий поезд из тех земель. Давно, правда, года два назад... А эта Нефела, небось, жена или дочка графа.

– Дочь, – задумчиво протянул Келвин. – Я слышал, что граф вдовец.

Темьян внезапно испытал странное облегчение оттого, что отец Нефелы – граф. Все-таки не король.

– Тут есть приписка. – Келвин прочитал последнюю строчку: – Награда выдается за живую и невредимую. За малейшее членовредительство сумма премии значительно уменьшается. За мертвую же объявлено наказание: истязание на дыбе и последующее четвертование.

– Так вы, говорите, знаете, где она? – глаза Фарбера алчно заблестели.

– Остынь. Она от нас еще месяц назад сбежала. Вон этого тупаря вокруг пальца обвела и ноги сделала. – Келвин кивнул на Темьяна. Тот виновато вздохнул.

– Ну, сбежала и сбежала. – Фарбер повел плечами, отменяя эту историю прочь. – Вас покормить? У меня есть холодный каплун.

– Мы ужинали, – отказался Келвин. – Давай лучше к делу. Зачем звал?

– Ну, и куда ты так спешишь? – укорил его Фарбер. – В могилу? Так успеешь еще. На тот свет опозданий не бывает. Все всегда прибывают вовремя.

– Ты чего разворчался, Мунт? – удивился Келвин. – Что это с тобой сегодня?

– Голова болит... Ладно, к делу, так к делу. – Осведомитель стал собранным и серьезным. Отставил кружку с элем в сторону и подался к Келвину. – Есть крупный куш. Очень крупный. Вот только не знаю, потянешь ты или нет.

– Рассказывай, Мунт, а я уж сам решу, – поторопил Келвин.

– Значит, так. У меня есть маршрут... – Он сделал паузу и весомо добавил: – обоza казначейства.

– Казначейства? – несколько растеряно уточнил Келвин. – Ты хочешь сказать, что это сборщики податей короля Саарии?

– Они самые. Везут налоги, собранные со всей Карматской низменности. Возвращаются в столицу и пройдут в двух днях пути отсюда.

Келвин несколько мгновений молчал. Куш и в самом деле был огромен.

– Сколько телег в обозе? – уточнил разбойник.

– Семь-десять. Точнее сказать не могу.

– Охрана – гвардейцы? Сколько?

– Полсотни.

– Не слишком много, – удивился Келвин. – А маг с ними есть, не знаешь?

– Нет. Да там и без мага хватает... Они не просто саарские гвардейцы. Этот отряд прошел обучение в клане Хар-Хад.

Келвин присвистнул.

Хар-Хад – один из самых загадочных кланов мира Ксантины. О его деятельности мало что известно. Он не принадлежал ни к одному государству, зато оказывал услуги всем, кто в состоянии заплатить. В клане можно нанять охотников за нечистью или просто за головами, но самым большим спросом пользовались отряды наемников.

Сотня обученных в Хар-Хаде воинов могла с легкостью заменить тысячу обычных солдат. Короли мира Ксантины просто обожали держать в своей гвардии хотя бы один подобный отряд.

Не стал исключением и король Саарии. Осторожный властитель подошел к делу сбора податей серьезно, послав для защиты обоза казначейства лучших из лучших.

Ни у одной банды разбойников против полусотни хар-хадовцев не было ни малейших шансов, но отряд Келвина сильно отличался от остальных шаек. Его разбойники слыли отчаянными ребятами и по выучке совсем не уступали регулярным войскам. Келвин тщательно подбирал себе бойцов, решительно давая от ворот поворот всякой швали, из которой обычно состояли остальные банды. Кроме того, у Келвина был очень мощный козырь, делающий его банду во сто крат сильнее – Темьян.

И все же полсотни хар-хадовцев – это серьезно...

– Короче, решай, потянешь или нет. – Фарбер взял кувшин с элем. – Темьян, тебе еще подлить?

– А? – Урмак не сразу понял смысл вопроса. Все его мысли были заняты Нефелой. – Нет, не надо.

– Мунт, где, ты говоришь, они проедут? – Келвин развернул купленную у магов карту.

Некоторое время Фарбер и главарь разбойников изучали маршрут обоза, а потом Келвин убрал карту и встал.

– Буду думать. Если все сладится, процент тебе как обычно, – пообещал разбойник осведомителю.

Келвин и Темьян вышли во двор. Услышали, как трижды ухнула сова. Это караульный Гныш подавал сигнал, что все чисто, можно идти к лошадям.

Кони были привязаны к дереву на задворках ярмарки, возле одного из дощатых складских зданий. Сам Гныш занимал пост на крыше склада. Отсюда ему был виден и вход в закусочную, и лошади, и проходы между складами. В темноте, правда, много не разглядишь, а масляных фонарей в этой части ярмарки не было. Так что больше приходилось полагаться на слух... и все тот же авось.

Завидев Келвина и Темьяна, Гныш спрыгнул с крыши, ловко угодив прямо в седло. Привычная к его трюкам кобылка только всхрапнула и дернула крупом.

– Куда теперь? – спросил у главаря Гныш. – Сразу на хутор двинем или переночуем у Стаси?

Стася – разбитная молоденькая вдовушка с радостью предоставляла приют Келвину и его ребятам. Она была без ума от красавца-разбойника, давно и безуспешно строила на его счет планы. Но Келвин и слушать о серьезных отношениях не хотел. Спать со Стасей время от времени спал, но при разговорах о семейной жизни моментально выходил из себя.

Вспомнив горячее податливое тело страстной вдовушки, Келвин несколько мгновений колебался, а потом решил:

– На хутор. Не до баловства сейчас. Нужно дело обдумать.

Он отвязал поводья от дерева и вставил ногу в стремя. Но сесть в седло не успел...

Темьян заметил какое-то движение в оконце темного и, на первый взгляд, безлюдного склада. В щель между ставнями высунулось черное навершие посоха.

– Засада! – Урмак успел заслонить собой Келвина. Почувствовал, как грудь обожгло чем-то очень горячим. А затем весь мир вдруг закрутило в бешеной карусели, и земля ушла из-под ног...

6

Сознание вернулось рывком. Темьян повел затекшими мускулами и обнаружил, что двигать может только головой и кистями рук.

«Да я же привязан к дереву!» – понял урмак. И впрямь, его тело в несколько рядов опутывали толстые колючие веревки. На груди они пропитались кровью. Алые струйки сбегали вниз, струились по животу и впитывались в пояс холщовых штанов.

Грудь вообще сильно саднило, но что там такое, Темьяну под веревками разглядеть не удалось. Впрочем, несмотря на обильное кровотечение и боль, урмак чувствовал, что ранение не опасно для жизни. «Просто царапины», – решил он и огляделся по сторонам, насколько смог.

День или, скорее, позднее утро. Перелесок, наверняка в окрестностях Бугте. Среди деревьев два шатра – простые, без изысков, неприметного зеленого цвета. Чуть в стороне, на поляне паслись стреноженные лошади. Двенадцать штук.

Прямо перед Темьяновым деревом шагах в пяти горел костер. Чуть левее у дуба стоял Келвин. Вернее висел, примотанный к стволу веревками, свесив голову на грудь, и не подавал признаков жизни.

В отличие от него Гныш уже очнулся. Ему стянули веревкой лодыжки и подвесили вниз головой на толстенный березовый сук поодаль. Разбойник дергался и раскачивал веревку, пытаясь освободиться.

Возле Гныша стояли два человека, похохатывали, глядя на его усилия, и время от времени лупили пленника по спине палками. Гныш стонал и посыпал их бранью. Видно какое-то из ругательств показалось им обидным – один из незнакомцев схватил Гныша за волосы и сильно стукнул его лицом о шершавый древесный ствол. Разбойник затих.

Кроме этих двоих Темьян насчитал еще семерых. Они сидели у костра и негромко переговаривались.

Одеждой и вооружением все девять мало отличались от Келвина и его ребят. Но что-то мешало Темьяну принять их за обычных разбойников.

На привязанных пленников они особого внимания не обращали, но Темьян не сомневался – за ними приглядывают. Так что действовать нужно быстро.

Веревки крепкие, так просто не разорвать. Будучи человеком – не разорвать. Зато боевое превращение порвет их в один миг.

Темьян набрал в грудь побольше воздуха и попытался обернуться Драконом.

Привычно забурлила кровь, предваряя обращение, и... ничего не произошло. Темьян как был, так и остался человеком.

Насмешливый голос за спиной произнес:

– Понапрасну утруждаешься, приятель. На тебе знак.

Темьян скосил глаза на свою грудь. Выходит, это не просто царапины. Это «символ запрета» – магический знак, не позволяющий оборотню совершить вариацию. Знак начертили ножом, вспарывая не только кожу, но и мясо. Раны получились довольно глубокими, и потому болели и кровоточили. Темьян потерял способность к вариации до тех пор, пока не исцелится рана. На урмаках все заживает очень быстро, но как минимум полдня ему оборотнем не быть.

Разбойник неудобно вывернул голову, пытаясь разглядеть говорившего, но тот сам вышел из-за дерева и встал между Келвином и Темьяном, поочередно разглядывая обоих оценивающим взглядом.

На вид незнакомцу было около тридцати. Этаким добродушный полноватый блондин с румянцем во всю щеку. Такие, как правило, обожают пирушки и веселых вдовушек, и терпеть не могут крови – своей и чужой. Их оружие не меч, а ложка и вилка.

Да, на первый взгляд, незнакомец выглядел безобидным прожигателем жизни. И лишь его глаза – два жестких блестящих озерца, говорили, что это совсем не так.

На незнакомце была простая кожаная куртка – порядком потрепанная, и такие же штаны. Разве что мягкие, отличной выделки сапоги из кожи горного льва, выдавали его небедное положение. Такие сапоги не зазорно надеть и королю. Видно незнакомец терпеть не мог натертостей и мозолей, раз не пожалел на обувку целого состояния.

А еще у обладателя роскошных сапог в руке был короткий черный жезл, недвусмысленно сообщая, что этот человек – маг. Отсутствие камня в навершии жезла говорило, что он не принадлежит ни к одной из Священных Пятерок. Такими «свободными» магами были только целители или... каратели. Так нарекли волшебников, которые подвизались на ниве правосудия: служили розыскниками или дознавателями.

То, что перед ним не целитель, Темьян ничуть не сомневался. А стало быть, он – каратель. Плохой вариант. Самый худший из всех возможных.

Келвин тоже очнулся, быстро огляделся по сторонам, желая выяснить обстановку. Перемигнулся с Темьяном, разглядел у него на груди окровавленные веревки. Понял, что они значат, поморщился и уставился на мага-карателя наглым взглядом:

– Ты еще кто такой?

– Дознаватель тайного приказа Шейн Датлинг, – очень вежливо представился тот. – Слышали?

Келвин и Темьян помрачнели.

Датлинг славился на всю Саарию своей жестокостью по отношению к допрашиваемым. После его «дознательных процедур» палач обычно уже не требовался.

Датлинг возглавлял мобильный отряд стражи тайного приказа. Они ездили по стране, борясь с преступностью своими, весьма жестокими методами. Причем происходило это с ведома и полного согласия саарского короля.

Видно, слухи о разгуле разбойничьих банд в Карматской низменности дошли до правителя Саарии, и он прислал сюда свою «тяжелую кавалерию».

– Вижу, слышали обо мне, – констатировал дознаватель. – Как и я о вас. Да-да. Слушок об очень ловкой и удачливой банде, в которой есть один боевой урмак, дошли до сиятельных ушей. И вот я здесь.

Датлинг остановился перед Темьяном:

– Ну, и зачем тебе это отребье, приятель? С твоими-то способностями тебе надо служить королю!

– Это предложение? – хмуро поинтересовался Темьян.

– Естественно.

– Кто нас сдал? – вмешался Келвин.

– Интересно, да? – Датлинг, хитро прищурившись, посмотрел на главаря разбойников: – А сам ты как думаешь?

Келвин в ловушку не попался:

– Ты дурачков в другом лесу поищи, – мрачно посоветовал он дознавателю. – Я тебе прямо так сейчас и начну фамилии называть.

– Назовешь, куда ты денешься, – стал серьезным Датлинг. – У меня все о-очень разговорчивыми становятся. Рассказать, что с тобой будет? Для начала я тебе один глаз выну, другой оставлю, чтоб ты мог смотреть, как тебя дальше кромсать будут.

Дознаватель обнажил тяжелый боевой нож с острым концом и зазубренным краем, прижал острие к щеке Келвина.

Разбойник не дрогнул. Смотрел на палача в упор, не мигая.

Датлинг усмехнулся и повел острием по лицу Келвина вниз, к губам, оставляя неглубокую, но кровавую царапину. Задержался возле рта, поддел острием губу, слегка надрезая край.

Келвин в ответ смачно плюнул кровью, попав дознавателю в глаза. Тот машинально отшатнулся, утерся и вновь посмотрел на разбойника. Сказал с веселой злостью:

– Ничего, посмотрим, как ты кровью харкать будешь, когда я тебе мужское естество на ломти стругать начну. Все мне тогда расскажешь: и про схроны, и про наводчиков, и про банду. Где? Кто? Сколько? Всех сдашь. Соловьем запоешь.

– Это вряд ли. Я петь не умею. У меня слуха нет. – Келвин скорчил самую оскорбительную гримасу, какую мог.

Датлинг смерил его оценивающим взглядом:

– Что ж... Возможно, ты и не запоешь. А они? – он кивнул на Гныша и Темьяна. – Мне ведь неважно сломать именно тебя. Можешь сдохнуть молча, если хочешь. Я не садист, получающий удовольствие от страданий. Мною движет кое-что иное...

– Жажда наживы? – Келвин бросил выразительный взгляд на дорогие сапоги мага-дознателя. – Видать, тебе за нас неплохо платят.

– Не угадал. Мне платят гораздо меньше, чем любому «клановому» магу. Если б хотел разбогатеть, вступил бы в Священную Пятерку. А в дознавателях я потому что... – Датлинг подошел к Келвину почти вплотную. Посмотрел ему в глаза. – Ненавижу таких тварей, как ты. Не успокоюсь, пока не изведу всю вашу лесную братию под корень. Вы грабители и убийцы! И я очищу от вас Саарию! Ясно?!

Келвин поморщился. Похоже, у Датлинга что-то личное. Возможно, разбойники в свое время убили кого-то из его близких. Боль и ярость потери превратили дознавателя в настоящего зверя. От его руки гибли не только разбойники, но зачастую ни в чем не повинные люди. Ходили слухи, что Датлинг истребил всю семью некоего фермера только за то, что они дали приют банде Кривого на одну ночь. Не по своей воле дали – Кривой обосновался на их хуторе силой. И все же Датлинг посчитал фермера виновным и вынес приговор ему самому, его жене и трем мальчишкам-подросткам. Их изувеченные обгоревшие тела нашли потом соседи на пожарище, которое осталось от мирного и процветающего некогда хутора...

– Очистишь от нас Саарию, говоришь, – негромко заговорил Келвин. – А заодно и от трактирщиков, хуторян, женщин, детей...

– Если они помогают вам, то да! – Лицо Датлинга налилось кровью, а в глазах заплескалась лютая беспощадность. – Каждый, кто хоть словом перемолвится с такими, как ты, виновен! И подлежит казни!

– Чем же ты лучше нас? – хотел спросить Келвин, но промолчал. Понял, что бесполезно спорить.

Датлинг несколько мгновений буравил его бешеным взглядом, потом скривился в злобной усмешке:

– Рано или поздно я прихлопну вашу банду, как надоедливую навозную муху. Жирную, наглую и провонявшую дерьмом. – Голос мага-дознателя сочился ненавистью.

– Смотри, как бы эта муха не откусила тебе голову, – в бессильной ярости прошипел Келвин.

– Ты о своей голове беспокойся. Недолго ей на плечах осталось. – Датлинг расплылся в злой улыбке и посмотрел в сторону Гныша. – Сейчас проверим, что за бойцов ты себе набрал. Из какого они теста... А вам наш с ним разговор слушать необязательно.

Маг-дознатель повел посохом, видно накладывая какое-то заклинание.

На первый взгляд, ничего не произошло – слух у пленников не ухудшился.

Датлинг отошел к березе. Что там происходило, ни Келвин, ни Темьян толком не видели за спинами стражей. Слышали только истошные вопли Гныша.

Он держался долго – его дважды отливали водой, но все же, видно, сломался. Послышалась негромкая речь – самого разбойника и Датлинга, но что конкретно говорили, было не разобрать. Видно вступило в действие то самое заклинание.

Через некоторое время маг-дознатель вернулся к Келвину и Темьяну. Руки Датлинга были в крови. Часть капель попали на лицо и одежду. Теперь он уже походил не на беззаботного прожигателя жизни, а на мясника.

Датлинг самодовольно подмигнул Келвину:

– Он все рассказал. Я же говорил, что без тебя обойдемся.

Главарь цветисто выругался в ответ.

Датлинг фыркнул и подошел к Темьяну.

– Вернемся к тебе, урмак. Вернее, к моему предложению. Ты можешь окончить свою жизнь прямо здесь, вместе с ними. – Кивок на Келвина и Гныша. – Распотрошенным, как свинья на бойне. А можешь стать прославленным воином в армии короля, получить богатства и почести. Так что ты выбираешь?

Келвин тоже посмотрел на оборотня, ожидая его ответа.

На лице урмака отражалась тяжелая внутренняя борьба. С одной стороны, разбойники подобрали и выходили его, когда он загибался от лихорадки в болотах Белковской пуши. С другой, в любом сражении именно урмак принимал на себя основной удар. И не получал за это после победы ни куара, хотя все ценности в банде Келвина всегда делились между разбойниками честно. А Темьян мало того, что не имел доли в добыче, так еще постоянно подвергался насмешкам, как от самого главара, так и от остальных членов банды.

Маг-дознатель внимательно наблюдал за выражением лица оборотня. От него не ускользнули колебания урмака.

– Ты еще сомневаешься? – Датлинг решил подтолкнуть Темьяна к правильному решению. – У тебя выбор-то небольшой. Либо прямо сейчас сдохнуть, либо получить все! Знаешь, как высоко ценятся оборотни в армии короля? Солидное жалование, свой домик, уважение и пенсия в старости. О чем тут думать?

Лицо урмака помрачнело, в глазах загорелась мстительная решимость.

– Я выбираю службу королю, – твердо сказал Темьян. – Ты прав. Мне не по пути с этим сбродом.

– Правильный выбор, – одобрил маг-дознатель. – Только, ты же понимаешь, что совершил много преступлений. Тебе придется заслужить прощение его королевского величества.

– Я готов, – решительно заявил Темьян, – Что нужно делать?

– Ответь на мои вопросы, – предложил Датлинг. – Какова численность банды? Состав? Где ее логово? Кто осведомители? Кто скупщики? Где схроны?

– Так ведь Гныш уже все сказал?

– Сказал. Но он мог и соврать. Все нужно проверить... Итак, ты готов отвечать?

– Да! – Урмак не колебался ни мгновенья.

– Ах ты, гнида! – прошипел Келвин. – Да тебя удавить мало, гаденыш! Я же спас тебе жизнь, паскуда!

– А сколько раз взамен я спасал твою? – обозлился Темьян. – И не только твою... А чем вы отплатили мне? Жадные ублюдки! Трусливое отребье! – Он посмотрел на Датлинга и повторил: – Я отвечу.

– Отлично. Численность банды?

– Пятьдесят шесть бойцов, – быстро ответил урмак.

– Верно. – Датлинг кивнул. Видно, эту цифру уже сообщил Гныш. – Где они сейчас?

– На хуторе Пола Чесмана. – Темьян без колебаний шел по пути предательства, сознавая, что обратного пути уже нет.

– Правильно. – Датлинг вновь кивнул и продолжил допрос.

Иногда он отходил от Темьяна к Гнышу, возвращался быстро – видно, разбойник теперь ответ давал сразу, не вынуждая больше прибегать к пыткам.

Наконец, Датлинг узнал о банде все, что хотел.

– Ну, что ж, урмак. Я тебе почти верю. Почти. Но нужно еще одно доказательство. Докажи, что ты больше не разбойник.

– Как?

– Тебе дадут нож. Перережь глотки этим двум ублюдкам. – Маг-дознаватель кивнул на Келвина и изуродованного, болтающегося на веревке вниз головой Гныша.

– Сделаю это с огромным удовольствием, – ответил Темьян. Его слова прозвучали тихо, но решительно. – Развяжите меня.

Датлинг подал знак своим людям, а сам отошел к костру. Трое стражей взяли наизготовку арбалеты, нацелив их на урмака, а четвертый принялся распутывать веревки. Остальные воины обнажили мечи.

Темьян стоял в окружении вооруженных людей, каждый из которых внимательно следил за ним. Одно лишнее движение и ему несдобровать. Девять человек нападут одновременно. Датлинг десятый. Хотя нет, их больше. «Лошадей-то двенадцать, значит, двое дознавателей где-то ходят, – машинально отметил про себя урмак. – Или сидят в укрытии для подстраховки. Впрочем, лошади могут быть заводными».

Наконец, последние веревки упали на землю. Темьян почувствовал, что свободен. Медленно, чтобы не спровоцировать людей Датлинга, протянул руку. Стражник, что распутывал веревки, вложил в нее нож.

Три арбалетных болта хищно нацелились в грудь урмака.

– Вы все сейчас умрете! – неожиданно закричал Келвин. – Никто не выживет! Никто! – он засмеялся.

В голосе главаря было что-то настолько жуткое, что взгляды всех присутствующих машинально обратились в его сторону. Датлинг даже сделал удивленный шаг к нему.

Всего мгновение на Темьяна никто не смотрел. И он этим воспользовался.

Короткое движение вперед. Резкий сильный удар ножом под ребра. Первый из стражей-дознавателей, тот, который распутывал веревки, мертвой куклой повис в «объятиях» урмака.

Все произошло очень быстро, почти мгновенно, но Темьяну показалось, что время медленное и тягучее, как патока. «Валить надо всех стражей до единого, – промелькнула четкая мысль. – Тогда наши с Гнышем откровения не дойдут до посторонних ушей. Дознаватели унесут тайны банды с собой в могилу».

Арбалетчики еще не поняли, что произошло, и почему один из стражей стоит, так тесно прижавшись к урмаку.

Только Датлинг, кажется, заподозрил неладное. Его рука с магическим жезлом начала подниматься в сторону Темьяна.

Урмак, по-прежнему закрываясь телом мертвого стража, поудобнее перехватил нож. Бросок должен быть предельно точен. Промахнуться нельзя. Второго шанса прикончить Датлинга не будет – маг превратит и Темьяна, и закрывающего его стражника в хорошо прожаренные тушки одним мановением посоха.

Бросок!

Нож, кажется, летит целую вечность. Клинок вонзается Датлингу в шею. Из перерезанной жилы хлещет кровь. Рука с посохом бессильно падает вниз, а сам маг кулем валится на землю. Он еще жив, но уже не опасен.

Противно визжит спущенная арбалетная тетива, а следом и две других. Болты попадают точно в цель, превращая человеческое тело в облысевшего ежа. К счастью, это тело не Темьяна, а закрывающего его стража. Он сослужил урмаку роль щита, но теперь становится обузой. А значит, надо бросить его и сделать шаг-скольжение к арбалетчикам.

Один из них пытается перезарядиться, двое других отбрасывают бесполезное оружие в сторону и тянут из ножен мечи.

Удар. Пудовый кулак Темьяна дробит одному из них челюсть, проминает нос внутрь, превращая лицо в кровавую кашу. Страж отключается надолго. «Надо потом добить», – делает себе мысленную пометку Темьян.

Но сейчас ему некогда – у него на пути воин с мечом, который прикрывает арбалетчика, чтобы тот мог перезарядиться.

Темьян бросается прямо на меч, вынуждая противника нанести удар. Тот бьет, но запаздывает – урмак с кошачьей сноровкой проскальзывает под клинком и, не мудрствуя лукаво, со всей силы бьет стража коленом в пах. Удар настолько силен, что противника подбрасывает вверх. Он падает на землю без сознания. Кончено. Удар, конечно, не смертельный, но этот страж очухается не скоро. Главное не забыть о нем после.

Следующий мягкий, звериный прыжок к арбалетчику. Он уже перезарядился, но выстрелить так и не успел – Темьян зажал его руки, вынуждая повернуть оружие на одного из дознавателей и нажать на спуск.

Выстрел почти в упор. Арбалетный болт прошел прямо под металлическим нагрудником доспеха, пробил кольчугу и вспорол противнику живот. Тот заорал от боли, зажимая рукой рану.

На землю они упали одновременно – страж с пробитым животом и арбалетчик со свернутой шеей.

– Темьян, меч! – закричал Келвин.

Урмак понял. Поднял клинок и бросился к дереву, к которому все еще оставался привязан главарь.

Но перерубить веревки не успел – один из стражей сорвал с пояса ременную петлю кистеня и принялся раскручивать усеянный острыми шипами металлический шар.

Грозное оружие со свистом рассекало воздух, выцеливая голову урмака. Один точный удар кистенем, и обломки черепа Темьяна полетят во все стороны, вперемишку с мозгом и кусками окровавленного мяса.

Темьян попятился, не сводя взгляда с кистеня. Но отступать толком некуда – сзади и сбоку приближаются еще три противника с мечами.

Шар кистеня, словно ядовитая змея, сделал рывок к голове урмака. Темьян припал к земле, увертываясь от шипастой смерти, а заодно подсек ноги одного из мечников. Не ожидавший ничего подобного страж, потеряв равновесие, грохнулся на спину, выпуская из руки меч.

Страж с кистенем повторил попытку разmozжить Темьяну череп, но тот, словно вода сквозь пальцы, шустро «утек» в сторону, подставляя вместо себя сбитого с ног мечника. Воин с кистенем уже не успел отклонить свое шипастое оружие в сторону. Миг – и голова мечника превратилась в раздавленный орех.

Воин с кистенем на мгновение застыл, глядя на труп товарища. Этого оказалось достаточно, чтобы Темьян плавным движением скользнул ему за спину. Шею воина обвил ремень его собственного кистеня. Противник захрипел в агонии. Он скреб ногтями горло в бессильной попытке сорвать удушающую петлю, но Темьян не дал ему такой возможности. Хруст сломанных позвонков поставил точку в этом молниеносном бое.

Оставшиеся в живых два стражника обвели потрясенными взглядами побоище. Кое-кто из соратников уже испустил дух, некоторые натужно стонали, зажимая руками кровоточащие раны.

Стражники дружно переглянулись, а потом с ужасом уставились на Темьяна. Им еще не верилось, что всего один человек мог в считанные мгновения вывести из строя восемь отличных, прошедших огонь и воду, бойцов! Причем сделал это голыми руками, почти не прикасаясь к оружию!

– Я сдаюсь! – Один из двух стражей отбросил меч и с мольбой посмотрел на Темьяна. – Не убивай!

– Развяжи его. – Урмак кивнул на Келвина.

Страж бросился выполнять, а Темьян посмотрел на последнего врага. Приказал:

– Брось меч!

Вместо ответа тот ощерился и пошел на урмака...

Через мгновение полянка украсилась еще одним мертвым телом.

Темьян подошел к Келвину. Связанный главарь все еще стоял возле дерева – у стража так сильно тряслись руки, что он никак не мог разрезать веревки.

– Я сам. – Урмак отстранил его и двумя ударами меча перерубил путы.

Освобожденный Келвин повел плечами, разгоняя застоявшуюся кровь, растер запястья и окликнул урмака:

– Темьян, разберись с ними. – Главарь указал на устилавшие полянку тела.

Урмак кивнул и молча пошел добивать раненых карателей.

И Келвин, и оборотень оба понимали – нельзя допустить, чтобы выжил хотя бы один из людей Датлинга. Ведь тогда не одобровать всем тем, кто обычно помогал разбойникам. А таких немало. Пол Чесман, Стася и десяток других – осведомителей, трактирщиков, хуторян. Они давали банде приют, сообщали нужные сведения, предупреждали об опасности или просто любили – как Стася своего Келвина.

Гныш, а следом за ним и Темьян, выдали их всех, назвали имена. И теперь предстояло исправить содеянное.

Урмак вспомнил еще кое о чем:

– Келвин, дознавателей тут было десять, а лошадей-то двенадцать.

– Где еще двое ваших? – Острие меча главаря уперлось в кадык сдавшемуся стражу.

– Их убили в прошлом месяце, когда мы брали банду Кривого, – зачастил пленник. – А двух лишних лошадей Датлинг оставил, как заводных.

– Взяли?

– Чего? – не понял страж.

– Ну, Кривого с бандой?

– Э... Да, конечно... У Датлинга промахов не бывает... Не было... – поправился пленник.

– И что стало с Кривым? – уточнил Темьян.

– Э... – замялся страж. Чувствовалось, что ему очень не хочется отвечать.

– Говори! – Келвин слегка вдавил острие клинка в горло пленника. Показалась темная бусинка крови.

– Кривой погиб при проведении дознания! – почти выкрикнул страж.

– Небось, вместе со всеми своими людьми, – проворчал Келвин, убирая меч от шеи пленника.

– Да... Они все... – торопливо закивал головой страж. – Датлинг считал, что разбойников надо... хм... истреблять... Всех, до последнего...

Темьян потерял интерес к разговору и пошел к Гнышу. Изувеченный разбойник по-прежнему висел вниз головой на березе и не подавал признаков жизни. Урмак перерезал веревку, придерживая тело Гныша. Положил его на землю. Разбойник глухо застонал, но в сознание не пришел.

– Он живой, – сообщил Келвину Темьян.

– Хорошо. Оставь его, пусть полежит.

Келвин опять повернулся к пленнику и продолжил допрос:

– Рассказывай, кто нас сдал?

– Этот... Фабер или Фыбер... Короче, хозяин тошнилочки, возле которой вас взяли... – зачастил страж. – Его Датлинг прижал. Дескать, иначе сам на дыбу пойдет. Ну, тот и согласился. Послал тебе весточку, мол, дельце есть. А мы вас заранее ждали на складе в засаде.

– Так. Значит, насчет обоза казначейства – туфта?

– Нет, это правда. Датлинг решил подстраховаться. Если бы вы каким-то чудом от нас ушли с ярмарки, то вас потом на обозе бы взяли.

– Понятно... А в охране обоза и впрямь хар-хадовцы?

– Да. Только не полсотни, а сотня. А еще маг из Священной Пятерки Датныхок.

– Про нас в обозе знают? – задал следующий вопрос Келвин.

– Нет. Датлинг использовал их в темную. Как приманку для вас. А вслед за обозом мы бы пошли. По-тихому. Да не одни, а еще с сотней хар-хадовцев. Тогда точно бы всю вашу банду прихлопнули.

– Ну, это еще как посмотреть... – Келвин задумчиво постучал клинком по сапогу. – Значит, теперь следом за обозом засадная сотня хар-хадовцев не пойдет?

– Без Датлинга нет. Будут лишь те, что идут с обозом в открытую. Отпусти меня, а? – попросил страж. – Я же тебе все рассказал.

– Не все. Остался еще один вопрос...

Келвин нагнулся к самому уху карателя и что-то тихо спросил. Тот быстро ответил. Выслушав ответ, Келвин кивнул сам себе, будто отвечая на какую-то мысль.

– Отпусти, – вновь принялся канючить страж.

– Не могу. – Келвин неуловимо быстро взмахнул мечом. Страж захрипел и повалился навзничь.

Расправившись с пленником, главарь направился к Гнышу. Разбойник все еще находился без сознания. Несколько мгновений Келвин задумчиво смотрел, как у него на шее медленно пульсирует жилка.

Подошел Темьян, доложил:

– Проверил еще раз. Все мертвы.

– Сюрпризов не будет?

– Нет.

– Хорошо. Езжай на хутор, расскажи обо всем Чесману и Хмарю. Гныша бери с собой. Они вызовут для него мага-целителя. Понял?

– Да. А ты куда? Обрато в Бугге? – догадался Темьян.

– Точно. Хочу повидаться с Фарбером. Сказать ему пару ласковых. – Келвин сел в седло и уже тронул было коня, но вдруг остановился. Овернулся: – Темьян!

– Чего? – урмак подошел к главарю.

– Ты хорошо сыграл свою роль, парень, – медленно произнес Келвин. – Я ведь вначале и вправду поверил в твое предательство.

– Так и задумывалось, – кивнул Темьян. – Мне же надо было убедить Датлинга, а он хитрый прожженный лис. Я подумал, если Гныш им все рассказал, то от моих слов уже хуже не будет.

– А тебе не приходило в голову, что Гныш ничего не сказал? – перебил Келвин. – Что Датлинг обманул нас? Разыграл спектакль. Не зря же он «заткнул» нам с тобой уши. Мы не слышали, что конкретно говорил Гныш.

– Погоди... Ты намекаешь, что он не... – Темьян потрясенно уставился на главаря.

Стоя привязанным у дерева, урмак был уверен, что Гныш и впрямь сломался под пытками. А раз магу-дознателью все известно, то единственное, что могло спасти ситуацию – прикончить всех стражей до единого. Но для этого требовалось сначала освободиться. Привязанным к дереву много не навоюешь. И урмак применил военную хитрость, прикинувшись предателем...

– Гныш ничего не сказал Датлингу. Пленный страж подтвердил это. Так что дознаватель узнал все только от тебя. – Келвин подобрал поводья. – Ладно, Темьян. Победителей не судят. Ты молодец, парень. В очередной раз спас нам всем жизнь... Кстати, давно хотел спросить, а

почему ты никогда не берешь свою долю добычи? Ведь я сотню раз предлагал тебе и ценности, и просто куары, но ты отказываешься. Почему?

– У меня есть все, что нужно: еда и одежда, – пожал плечами Темьян. – Так зачем мне куары?

– Ты не думаешь о будущем, – укоризненно покачал головой главарь.

Не дожидаясь ответа, Келвин дал посыл коню, сразу переводя его с места в галоп, и вскоре исчез за редкими деревьями.

– Будущее... А оно у меня есть? – Темьян посмотрел вслед главарю и пошел за лошадью для себя и Гныша.

7

Несколько дней спустя

Обоз казначейства состоял из девяти телег, доверху набитых тюками с товарами и сундуками с монетами. Его действительно сопровождали отряд гвардейцев в сотню мечей и один маг. На его посохе ярко сиял огромный изумруд – признак того, что маг входит в Священную Пятерку Датныхок. Коричневые плащи гвардейцев украшали вышитые серебристые мечи и стрелы, говорящие о том, что их обладатели и в самом деле проходили обучение в клане Хар-Хад.

Пока обоз казначейства продвигался по лесу, маг был начеку – поводил посохом из стороны в сторону, проверяя, нет ли засады. Да и гвардейцы не теряли бдительности. Они держали наготове мечи и прикрывались щитами от возможных стрел.

Когда же дорога, вынырнув из леса, запетляла среди полей, маг расслабился и устроился на телеге среди тюков поспать – он очень устал после леса. Гвардейцы тоже перестали рыскать напряженными взглядами по сторонам и вложили оружие в ножны. Самый опасный отрезок дневного перехода остался позади. А здесь, среди бескрайних полей и лугов, засады можно не опасаться, считали они.

Не слишком насторожились гвардейцы и тогда, когда впереди замаячило стадо овец в сопровождении пастуха, босого деревенского парнишки придурковатого вида. Стадо почти перекрыло дорогу, вынуждая обоз остановиться.

Сотник все же проявил осторожность. Застопорил обоз на приличном расстоянии от стада, а разбираться с пастухом послал двух гвардейцев. Остальным скомандовал боевое построение, на всякий случай приготовившись к внезапной атаке – под прикрытием стада могли скрываться враги. Подумал даже, не разбудить ли мага, но потом отказался от этой мысли. Волшебник и так вымотался после леса, а ведь ему еще предстояло стоять в карауле всю ночь – наиболее вероятное время для нападения.

Сотник уже не в первый раз сопровождал всевозможные обозы и успел изучить повадки разбойников. Ночь и лес – вот их излюбленные и, пожалуй, единственные козыри...

Гвардейцы привычно и слажено окружили обоз, поглядывая на стадо и вдаль, благо раскинувшиеся вокруг поля давали достаточный обзор, так что предполагаемый противник не сумел бы подкрасться незамеченным.

Тем временем пастух, понукаемый гвардейцами, заставил-таки свое стадо освободить дорогу, и обоз вознамерился тронуться дальше. Сотник успокоился и скомандовал своим людям отбой тревоги. Солдаты перестроились в походное построение, продолжая бдительно поглядывать вдаль, но ни один из них не догадался опустить голову и посмотреть, что же творится под самым носом...

...Обоз не успел возобновить движение, когда вдоль дороги зашевелилась трава. Словно из-под земли стали выскакивать вооруженные люди с перепачканными грязью лицами.

«Разбойники! Но откуда они взялись?! Неужто... В ямах сидели, а сверху травой маскировались!.. Хитрецы!.. И ведь не лень же было столько ям копать...» – промелькнула у сотника мысль.

Но сюрпризы, которые приготовил хар-хадовцам Келвин, на этом не закончились.

Среди сидящих в засаде разбойников естественно был и Темьян. Он выбрался из ямы одним из первых и тут же начал боевое превращение. Когда опешившие гвардейцы узрели обернувшегося Кабаном урмака, было поздно – Темьян со всей мощью обрушился на саарских воинов. Он перекусывал тела людей и лошадей огромной пастью, перерубал руки-ноги острым

рогом-саблей, дробил кости огромной хвостовой булавой и наносил сотни болезненных страшных ран боковыми кинжалами.

Конечно, его били мечами и секирами, но толстую шкуру Кабана-оборотня невозможно пробить с одного удара, а второго шанса Темьян противнику не предоставлял.

Маг вскинулся спросонья, не понимая, что происходит. Застигнутый врасплох, он даже не сделал попытки защититься, и только тоненько заверещал, почувствовав в своих внутренних костях смертельный меч Кабана.

Остальные разбойники тоже не стали отсиживаться в стороне. Все из бывших воинов, они оказались не намного слабее гвардейцев и с помощью урмака быстро перебили оставшихся хар-хадовцев. Богатейший обоз оказался в руках банды Келвина.

Темьян принял человеческое обличье. Его губы и подбородок, как всегда после боя, оказались перепачканы чужой кровью. Один из разбойников привычно подал ему бурдюк с ключевой водой, помог умыться, а затем протянул заранее приготовленные штаны.

Довольные добычей разбойники двинулись к хутору Чесмана. Уставший Темьян завалялся в одной из телег на мягкие тюки, собираясь поспать.

– Потихе, бугай! Здесь, между прочим, люди живые лежат, – внезапно раздался из-под тюков придушенный голос.

Темьян в ужасе подскочил, обернулся и просто не поверил своим глазам: из-под отрезков шелками сердито выбиралась... златокудрая незнакомка!

– Ну надо же, какой ты все-таки неуклюжий, – продолжала возмущаться она. – Чуть мне все кости не переломал.

– Ты?! – только и смог выдавить в ответ Темьян.

– Какой догадливый, – притворно восхитилась девчонка.

– Кого я вижу, – раздался веселый голос Келвина. Он развернул коня и поехал рядом с телегой. – Долго же ты от них бегала, красавица. Молодец. Я-то давал тебе от силы неделю, а ты протерлась больше месяца.

– Будет и больше, рано меня хоронишь, – огрызнулась она.

– Ничуть не сомневаюсь... Нефела, – Келвин с усмешкой взглянул на девушку.

– Ты знаешь, кто я. Откуда?

– В сторожевой грамоте прочли, – ответил вместо Келвина Темьян.

– Вы умеете читать? – Нефела издевательски вскинула бровь. – Никогда бы не подумала!

Темьян только головой покачал. Ну, и язва же эта графиня! Ох, и язва!

Келвин вроде как не обратил на обидную интонацию Нефелы внимания. Он внимательно рассматривал ее словно диковинного зверька. Она по-прежнему маскировалась под мальчика: рваный картуз и бесформенная, грязная одежда.

– Темьян, – окликнул главарь урмака, – помнишь, мы встретились с всадниками джигли? Так вот. Они пришли в наш мир за ней.

– Откуда ты знаешь? – удивился урмак.

– А помнишь, я возвращался в Бугте? Я там не только к Фарберу зашел, и по другим кабакам покрутился. Послушал сплетни. Так вот, главная новость, которую обсуждают повсеместно, как раз про джигли. Говорят, они заявили прямоком во дворец графа Барконы... Так, Нефела?

– Да. – Желание ерничать у нее пропало начисто. Девушка стала очень серьезной. – Два месяца назад черные всадники и впрямь объявились у нас во дворце, повергнув всех в ужас. Они о чем-то долго секретничали с отцом. А потом в его кабинете появился красивый резной подсвечник из розового нефрита с золотой свечой...

– Ого! – не удержался Келвин. – Розовый нефрит, золотая свеча!

Розовый нефрит не добывался в мире Ксантины и откуда привозился – неизвестно. Этот камень в простонародье назывался «кровью Проклятых» и обладал невероятными свойствами.

В обычном своем виде он нейтрализовал магическую силу волшебников, а обработанный особым способом, да еще в сочетании с некоторыми другими предметами, приобретал воистину чудесные способности. Так, подсвечник с золотой свечой в кабинете отца Нефелы означал, что граф не будет подвержен болезням и доживет до глубокой старости. Кроме того, он сможет избегать козней врагов, а в своем дворце станет неуязвимым для колдовства, яда, стрелы и меча. Даже маленький, необработанный розовый камешек стоил целое состояние, а за Нефелу дали такой огромный кус!

– Вот-вот, – подтвердила девушка. – Представляете, каков был мой испуг, когда отец сказал, что я должна поехать с ними!

– И ты сбежала?

– Сразу же. Я не знаю, что им от меня надо, но не верю, будто что-то хорошее, поэтому предпочитаю убегать... Мне помог младший брат. Он надел мое платье и закрыл лицо вуалью. Джигли приняли его за меня и уехали из дворца, а я переоделась мальчиком, взяла самого быстрого коня и поскакала, куда глаза глядят.

– Как же ты оказалась в этом обозе?

– Награда. Все дело в ней. Трактирщик на постоялом дворе раскусил мой маскарад, узнал по описанию из сторожевой грамоты и сдал гвардейцам, когда те пришли за податями. Вернее, гвардейцы отобрали меня у трактирщика силой. А он не хотел отдавать, думал самому в столицу отвезти, чтобы награду получить.

– Я его понимаю. В Терпе за тебя дают невероятные деньжищи, – протянул Келвин, многозначительно поглядывая на Нефелу. – Мне бы они весьмагодились. Я мог бы завязать со своим рискованным промыслом и осесть где-нибудь в тихом городке...

– Келвин, ты же не собираешься... – начал Темьян, но разглядел игривые искорки в глазах главаря и понимающе замолчал.

А Нефела встревожилась не на шутку:

– Ты не посмеешь сдать меня!

– Почему же? – дурачился Келвин. – Я жаден и самовлюблен... Так ты, кажется, говорила?

– Ты подслушивал! Или... Темьян, ты предатель!

– А ты обманщица, – не остался в долгу урмак. – Обманула меня и сбежала!

– Кстати, у меня до сих пор болит порезанное тобой плечо, – продолжал Келвин. – Перед дождем знаешь как ныть начинает.

– Сам виноват. Не надо было ко мне лезть. Я предупреждала!

– Ну, а теперь пять тысяч золотых куаров помогут забыть эту боль. – Главарь посмотрел на Нефелу с мстительной улыбкой.

Лицо девушки исказилось от отчаяния, по щекам побежали слезы.

– Келвин, не надо, – попросил Темьян. – Ей и так уже досталось.

Главарь смерил урмака недовольным взглядом и поморщился:

– Ладно, красавица, не плачь. Ты радоваться должна, а не плакать. У тебя вон какой защитник выискался. Здоровенный и глупый.

– Нефела, он хочет сказать что ты свободна и можешь уйти, когда пожелаешь – Темьян как обычно пропустил брань главаря мимо ушей. – Ведь так, Келвин?

Тот дурашливо закатил глаза и страдальчески вздохнул:

– Ох, и дурак же ты, Темьян! Как есть дурак. Мог же воспользоваться ситуацией. Ан нет... Эх, тебя бесполезно учить. – Келвин с шутилой безнадежностью махнул рукой и уже серьезно обратился к Нефеле: – Значит, так, красавица. Ты можешь поесть и отдохнуть на нашем хуторе, но потом тебе придется уйти. Не хочу неприятностей, а ты их точно много принесешь.

– Я поняла, – откликнулась Нефела. Ее слезы уже высохли, глаза вновь заблестели решимостью. – Переночую, а завтра утром уйду. Только не надейся провести эту ночь со мной. – Она ехидно прищурилась на Келвина. – Даже иллюзий не строй, будто сумеешь таким образом заставить меня расплатиться за гостеприимство.

Келвин в ответ коротко хохотнул и направил свою лошадь к головной телеге обоза.

8

Когда телеги с добычей потихоньку вползали в ворота хутора, Келвин спешился и отозвал Темьяна в сторонку.

– Присмотри за девчонкой, – сказал главарь. – Уведи в сарай, пусть там сидит и по двору не шастает. Еду ей сам приноси. Понял?

– Нет, – удивился Темьян. – Почему ей нельзя по двору ходить? Она же не пленница.

Келвин глянул на урмака странным взглядом, потер кончиками пальцев виски и сказал:

– Для особо тупых поясню. Здесь собралось полсотни мужиков. Они сейчас отдохнут, поедят, выпьют и их потянет на сладенькое...

– Я понял. А кто-нибудь еще из наших знает про награду?

– Только Хмарь, но он будет молчать. А остальные, даже если что-то такое и слышали, вряд ли свяжут это с нашей гостьей.

– Это хорошо. – Темьян помялся и нерешительно спросил: – Ты уверен, что джигли охотятся именно за ней?

– Да. И не только они.

– Еще стражники Саарии, – вспомнил сторожевую грамоту Темьян.

– Я уверен, что за ней охотятся стражники всех стран Ксантины. Ни в одном уголке нашего мира ей не будет покоя, – покачал головой Келвин.

– Думаешь, ее поймают?

– Рано или поздно, обязательно. Невозможно убегать вечно.

– И что с ней будет?

– Не знаю. Но она права, лучше ей не попадаться. – Келвин пристально взглянул на Темьяна: – Я догадываюсь, что ты задумал, но не делай этого. Даже такой боец, как ты, не сумеет защитить ее.

Темьян опустил голову.

– Утром я уйду с ней, – сказал он.

– Ты погибнешь. Ни одна женщина на свете не стоит этого! – Келвин положил руку на плечо Темьяна, но даже прозвучавшая в голосе главаря уверенность не смогла заставить упрямого, глупого урмака изменить своего решения...

9

Нефела совсем не удивилась, когда Темьян препроводил ее в знакомую уже сараюшку, сказав:

– Тебе лучше не выходить до утра.

Попросила только:

– Мне бы ополоснуться... Или хотя бы умыться.

– Жди, принесу.

Он притащил бочку с теплой, нагретшейся за день под солнцем водой. Протянул девушке кусок мыльного корня и широкое домотканое полотенце. А затем развернулся, чтобы выйти и приглядывать за сараем снаружи.

Но Нефела решила, что он уходит насовсем, и схватила его за руку:

– Подожди! Ты можешь остаться.

– Это еще зачем? – вскинулся Темьян. Похоже, она снова собиралась дразнить его и издеваться над ним!

– Как – зачем, Темьян? – Нефела сделала вид, что смущенно потупилась, а сама призывно глядела на него из-под полуопущенных ресниц. – Ты разве не понимаешь, зачем?

– Понимаю. – Парень кивнул и сделал шаг из сарая.

– Ты что, уходишь? – не поверила она.

– Ага, – злорадно подтвердил урмак, – ухожу.

– Не может быть! Не оставляй меня одну среди разбойников! – теперь Нефела испугалась по-настоящему.

– Да ведь я тоже разбойник. К тому же «зверь и тупой урод», – мстительно напомнил он.

– Темьян! – Нефела вцепилась ему в руку, словно в последнюю надежду. – Останься, прошу! За мной должок, я готова расплатиться. Больше не стану тебя обманывать, честно! Ты можешь сделать со мной все, что захочешь, только не уходи! Ты мне нравишься... Ты мне очень нравишься... – бормотала она, пытаясь втащить его обратно в сарай.

Вот он – реванш! Теперь самое время ответить: «А ты мне нет!» – и гордо выйти прочь, бросив ее уязвленной, испуганной, ошеломленной. Или, напротив, остаться и насладиться наконец ее восхитительным телом. Второй вариант даже предпочтительней, но...

Темьяну стало смешно. Его глаза посветлели, приняв искрящийся медовый оттенок. Какая же она, в сущности, еще девчонка! Не знающая жизни, не разбирающаяся в людях и делающая последнюю – отчаянную! – ставку на свою неотразимую внешность.

Он мягко взял девушку за плечи, заглянул в ее испуганное лицо:

– Нефела, ты можешь больше не напрягаться, стараясь соблазнить меня. Я и без этого помогу тебе. Келвин правильно сказал: у тебя теперь есть защитник.

– О! Спасибо! Я в долгу не останусь. Сейчас помоюсь и отблагодарю...

– Стоп! Ты не поняла. Я и без... хм... «благодарности» помогу тебе.

– Как, разве за свою помощь ты не хочешь получить награду? – кокетливо постреляла Нефела глазками.

Темьян начал злиться:

– Тебе не надоело, а? Ты ведешь себя словно дешевая девка в борделе. Не надо. Не унижай ни себя, ни меня.

Теперь уже разозлилась она. Просто-таки пришла в ярость:

– Вон отсюда, тупой урод!

Темьян повернулся и вышел прочь, не забыв тихонько прикрыть за собой дверь.

10

Смеркалось, но огонь на хуторе еще не зажигали.

Урмак сидел на чурбачке неподалеку, когда дверь сарая приоткрылась и в проеме показалась пушистая золотистая головенка. Синий лучистый взгляд осторожно обшарил двор, натолкнулся на Темьяна, и головенка нырнула обратно в сарай. Урмак подошел, заглянул внутрь. Темно, но не для глаз Зверя. Девушка, уже одетая, маялась у входа.

– Что? – спросил Темьян.

– Ты можешь убрать бочку? А то тесно... И мне бы поесть, – избегая его взгляда, попросила она.

– Сейчас. Ты только не выходи.

– Я ж не дура, – хмыкнула Нефела.

«Ты-то нет, а вот я... Келвин полностью прав. Я безнадежный непроходимый дурак», – в который уже раз за сегодняшний день подумал Темьян.

Он принес еду себе и ей. Запалил плошку. Поели. Урмак молчал, и она молчала. Затем он отставил посуду в уголок и растянулся на земляном полу у двери, закрыв глаза.

– Темьян!

– Ну?

– Ты что, собираешься спать?!

– Да. И тебе советую! – отрезал он.

Нефела вздохнула, затушила плошку, пошуршала сеном, но сказать ничего не осмелилась.

Урмак спал чутко и вскинулся сразу, едва слышал осторожные шаги у сарая. Дверь приоткрылась, и одноглазый Томвуд оказался нос к носу с Темьяном.

– Ты? – удивился Томвуд.

– Я, – подтвердил урмак.

– А где?..

– Кто? – насмешливо вскинул бровь Темьян.

– Поделиться не хочешь? – на всякий случай спросил Томвуд. – Мы могли бы ее по очереди...

– Не пойдет.

– Жадный, значит, – ухмыльнулся одноглазый разбойник. – Тебе для товарища приبلудной девки жалко?

– А не пошел бы ты? – нахмурился Темьян.

– Я-то пойду. А ты яйца береги. Келвин обещал лично оторвать причиндалы каждому, кто на эту девку покусится. А он всегда свое слово держит.

– А ты тогда что здесь забыл? Решил рискнуть?

– Нет, конечно. Просто мимо проходил. Шел себе тихонько по своим делам, никого не трогал. Вдруг слышу шум в сарае. Думаю, гляну, вдруг барышню кто забижает? А тут ты. – Томвуд нагло ухмыльнулся. – Придется теперь доложить Келвину, что некий урмак его приказа ослушался.

– Доложи, – согласился Темьян.

– Значит, договориться по-хорошему не хочешь? Ну, как знаешь. – Томвуд раздраженно сплюнул прямо под ноги урмаку и пошел прочь.

Когда дверь за Томвудом захлопнулась, из темноты донесся испуганный голосок:

– Темьян, иди ко мне. Ложись рядом.

– Нет. – Он снова растянулся на полу.

– Ты все еще сердишься на меня за «тупого урода»? – догадалась Нефела.

– Да. А сейчас помолчи и не мешай мне спать.

11

Утром Темьян и Нефела собрались уходить с хутора. Они стояли на крыльце, прощаясь с Келвином, когда быстрые черные тени скользнули в ворота. Всадники джигли мгновенно перекрыли все выходы, не спуская глаз с находящихся на хуторе разбойников.

– Всем стоять! Не дергаться! Иначе... – Сверкающий бич одного из черных всадников серебристой молнией пролетел по двору, оставив за собой перерубленный столетний дуб в три обхвата.

Удивительное оружие срезало огромное дерево так легко, будто его ствол был не толще прутика. Дуб рухнул прямо на тот самый сарай, где ночевали Темьян и Нефела. Хлипкая дощатая постройка не выдержала веса столетнего исполина. Раздался треск, и от сарая в мгновение ока остались лишь щепки.

Пораженные демонстрацией разбойники замерли, ошарашенно глядя на своих незваных гостей.

И только Темьян не стал так просто сдаваться. Он понимал, что джигли пришли за Нефелой, и не собирался без боя отдавать им принцессу.

– Иди в дом! – Урмак подтолкнул девчонку вверх по ступенькам крыльца, а сам попытался начать боевое превращение.

Не успел.

Бич одного из джигли обвился вокруг шеи Нефелы, остановив ее прямо в дверях.

– Я же велел не дергаться! – напомнил черный всадник. – К тебе, урмак, это тоже относится. Шевельнешься, и она останется без головы.

Нефела тотчас вспомнила перерубленный дуб и оцепенела от ужаса. Замер и Темьян, так и не успев обернуться.

– А теперь, красавица, иди ко мне. – Джигли потянул бич на себя, заставляя Нефелу двигаться в требуемом направлении. – А ты, урмак, стой на месте. Я помню тебя, и не хочу убивать. Ты смелый парень, но можешь наделать глупостей, поэтому надень-ка вот это...

Свободной от бича рукой джигли кинул Темьяну какой-то предмет. Тот машинально поймал и недоуменно уставился на обруч из розового прозрачного камня.

– Приложи к своей шее. Ну! Быстро! – потребовал джигли. – Иначе ей плохо придется!

В подтверждение серьезности своих слов черный всадник чуть-чуть затянул сверкающую петлю на шее Нефелы. Она издала сдавленный звук – то ли всхлипнула, то ли пыталась закричать. Ее расширенные от смертельного страха глаза, не отрываясь, смотрели на Темьяна.

– Приложи камень к своей шее, урмак! – повторил джигли.

Темьян подчинился. Обруч, словно живой, сам потянулся к его телу и плотно обхватил горло, превратившись в каменный ошейник без единого намека на застежку.

– Так-то лучше, – удовлетворенно кивнул черный всадник. – Этот ошейник из розового нефрита лишит тебя на время способности к вариации. И, надеюсь, удержит от всяких безрассудных поступков. Как только мы доставим девчонку в назначенное место, ошейник раскроется, и твои способности оборотня вернутся. А камень останется у тебя в качестве платы за испытанные тобой неудобства.

– А что будет с ней? – хмуро спросил Темьян. Нефела по-прежнему смотрела на него и в ее взгляде отчетливо читалась мольба: «Спаси!!!»

– Мы по-честному купили эту девчонку. Не выкрали, не похитили – купили. Заплатили очень высокую цену, и теперь она наша. Что бы с ней дальше ни произошло, тебя это не касается, – отрезал джигли.

– Вы убьете ее? – вмешался Келвин.

– Мы – нет, но обещать ей жизнь не могу, потому что и сам не знаю, для чего она понадобилась. Мы только выполняем заказ.

– Чей?

– Слишком много вопросов! Вы испытываете мое терпение! – Джигли ловко подхватил Нефелу и перебросил поперек седла. Сделал это так легко и быстро, что без магии явно не обошлось.

Темьян упрямо набычился и решительно пошел на джигли. Келвин схватил его за плечо:

– Не делай глупостей!

– Вот именно! – В ладони черного всадника вдруг появилась горсть мерцающих искорок. Он размахнулся и бросил их прямо под ноги разбойникам. Едва искры коснулись земли, они превратились в стену магического огня, которая отрезала Темьяна и Келвина от джигли. Пламя имело зловещий зеленоватый оттенок.

Главарь разбойников машинально отшатнулся назад. А урмак напротив, взревел, и попытался рвануть прямо сквозь огонь.

Не тут-то было.

Зеленоватые языки магического пламени остановили его, жадно облепили тело, но не обжигали, а били короткими болезненными разрядами, будто молнии.

Темьян закричал, забился в судорогах. Попытался вырваться из мучительного плена, но не смог сделать ни шага. Волшебный огонь крепко держал его на месте и продолжал колоть со всех сторон тысячами ядовитых жал.

Джигли посмотрел на бьющегося в конвульсиях Темьяна и укоризненно покачал головой:

– Я же предупреждал. – Черный всадник перевел взгляд на Келвина. – Мы уходим. Если кто сделает за нами хоть шаг, останется без головы.

Главарь разбойников в ответ развел руки в стороны, показывая, что больше геройствовать никто не станет.

– Вот и молодец. – Джигли ухмыльнулся и дал посыл своему коню.

Едва черные всадники вместе с Нефелой исчезли за воротами хутора, зеленый огонь погас. Темьян рухнул на землю там, где стоял. Келвин склонился над ним:

– Живой?

– Почти... – прохрипел урмак. Он через силу встал на ноги и, пошатываясь, побрел к воротам.

– Куда?! – остановил его Келвин.

– За ними...

– Ты совсем дурной? – разозлился главарь. – Хочешь лишиться головы?

– Пусти... – Темьян попытался оттолкнуть его, но после зеленого огня сил совершенно не осталось.

– Ну куда тебе такому в погоню? Ты же сейчас и с ребенком не справишься. – Келвин подхватил урмака под руку и почти силой потащил в дом. – Очухайся сперва.

12

В себя Темьян пришел лишь к вечеру.

– Не передумал? – без особой надежды спросил его Келвин.

– Нет.

– Тогда тебе понадобится оружие. – Главарь разбойников протянул Темьяну свой меч с отличным клинком кертасской работы в дорогих ножнах, украшенных пластинами из червленого серебра, и расшитым золотом кожаным поясом.

Урмак неуверенно взял, опоясался и неуклюже поправил ножны.

– Я не привык, Келвин. Меч мешает и бьет по ноге. Сдвигается вбок. И вообще, этот пояс как сбруя. Я в нем себя чувствую каким-то конем.

Главарь захохотал:

– Тогда уж быком. Тупым здоровенным бычарой. Тебе больше подходит. – Келвин стал серьезен. – Темьян, нужно, чтобы все видели – ты вооружен, иначе найдется немало желающих ограбить тебя.

– С урмаком связываться побоятся.

– Внешне ты не очень-то похож на урмака. К тому же не забывай: волшебный ошейник не даст совершить тебе боевое превращение. Отныне ты не оборотень, Темьян.

– Все равно, – упрямылся тот. – У меня и брать-то нечего.

– Вот тут ты не прав. Во-первых, сам нефритовый ошейник. Он очень дорого стоит. На него можно купить большой каменный дом в столице и несколько торговых лавок. Или надел пахатной земли. Это если снять его с твоей шеи, конечно... И потом, у тебя при себе будут деньги. Вот два мешочка с тремястами золотыми куарами каждый. Купи себе башмаки, рубашку и куртку, и сойдешь за человека – наемника в поисках работы.

Темьян сложил мешочки с монетами в дорожную сумку, где уже лежали кое-какие хозяйственные мелочи, и посмотрел на Келвина:

– Я не умею прощаться, но... Спасибо тебе за все!

Главарь скривился:

– Вот тупой увалень! Проваливай с глаз моих, пока я не рассердился.

Темьян улыбнулся и протянул руку. Келвин крепко пожал ее и в сердцах сказал:

– Как только увидел эту девку, сразу понял, кого-то из нас ждут неприятности.

– Она не девка, – покачал головой Темьян. – Она графиня.

– Это еще хуже, – отмахнулся главарь.

Они помолчали.

– Не знаю, верна ли моя догадка, – сказал Келвин, – но в нашем мире лишь одно существо могло нанять джигли.

– Ты думаешь, это...

– Черный Чародей. Если так, то джигли направляются на юг, в Кротас. Не следуй за ними по пятам, они мгновенно вычислят тебя. Лучше езжай по Главному Торговому Тракту напрямик в тамошние земли. Джигли постараются избегать людных мест. Им придется делать солидный крюк, а ты поедешь напрямик и сможешь немного опередить их. Постарайся по дороге нанять мага. Он поможет тебе против джигли, потому что один ты с ними точно не справишься.

– Мага... – Темьян с сомнением посмотрел на Келвина. – Я же убил одного из Пятерки. И если он успел послать «Последнюю мысль», то к магам мне лучше не соваться.

Темьян был прав.

Большинство магов мира Ксантины объединились в кланы – так называемые Священные Пятерки. Всего имелось пять кланов. Все они были межгосударственны – не подчинялись королям, а их резиденции находились почти во всех странах мира Ксантины.

Волшебники Священных Пятерок работали по найму – их нанимали короли и землевладельцы, купцы и оружейники.

Была у этих магов одна общая способность. Они могли предсмертным усилием творить заклинание «Последняя Мысль». С его помощью посылалось мгновенное сообщение в свою Пятерку с обликом убийцы или другим важным сообщением.

Убитый Темьяном во время нападения на обоз маг входил в одну из Пятерок, и если он успел послать «Последнюю мысль», то урмаку и впрямь лучше не попадаться волшебникам его клана на глаза.

Правда, кроме Пятерок были еще две категории «свободных» магов: целители и каратели. Но ни те, ни другие не годились Темьяну. Первые не владели боевой магией, а вторые служили исключительно официальным властям и не выполняли посторонних заказов.

Существовали еще маги-отщепенцы всех мастей, но с ними связываться себе дороже – не успеешь и глазом моргнуть, как окажешьсядохлым в канаве без гроша.

Так что для найма, как ни крути, оставались только «клановые» маги – те, что входили в Священные Пятерки.

– А из каких был тот маг, не помнишь? – уточнил Келвин.

– Одежда сине-коричневая. Значит, стихии Земли и Воды.

– Пятерка Датныок, – кивнул главарь. – Если жмурик все же послал своим «Последнюю Мысль», то каждый из Датныока знает тебя в лицо и попытается прикончить на месте. К ним тебе и вправду лучше не соваться. Зато перед волшебниками остальных Пятерок ты чист. Найми кого-нибудь из Живицы или Лавитропа, и всего делов. И вот еще что... – Келвин замялся, но все же решил договорить: – Темьян, даже если ты совершишь чудо и все-таки спасешь Нефелу, это не означает, что она полюбит тебя. Я имею в виду, по-настоящему полюбит – так, как этого хочешь ты. А она... Переспать с тобой переспит, но остальное вряд ли. Ты не ее полета птица. Понимаешь? Короче, чтобы там между вами ни происходило, никогда не забывай, что она королевских кровей, а ты всего лишь «тупой кровожадный урмак». Не считывай на многое, Темьян. Помни: вы с ней не пара.

Урмак улыбнулся и посмотрел в предвечернее небо, украшенное алой каймой заката.

– Я знаю, Келвин. Я это знаю.

13

Его действительно везде принимали за человека. Келвин и Нефела оказались правы: никому и в голову не приходило, что этот симпатичный светловолосый парень – урмак. Некоторые, разглядев нефритовый ошейник у него на шее, решали, что он опальный маг. Магов, хоть и опальных, в Саарии уважали и побаивались, поэтому Темьяну на постоянных дворах всегда предоставляли лучшие комнаты.

Он же все дни и ночи напролет напряженно размышлял, как вызволить Нефелу из плена. Было совершенно ясно, что в открытой схватке с джигли он проиграет и нужно придумать какую-то хитрость. Но придумывать хитрости совсем не в привычках урмака, пусть даже в его жилах и течет, по мнению Нефелы, человеческая кровь. Оставалось положиться на счастливый случай. А пока Темьян отмерял верхом на резвом гнедом жеребце милю за милей по Тракту, объезжая стороной крупные города и постепенно приближаясь к южной границе Саарии.

Однажды вечером Темьян сидел в трактире при постоялом дворе за обильным ужином, когда к нему за стол подсел невысокий мужчина средних лет с обвислыми усами и неприятным прищуром карих глаз.

Мужчина поставил на стол две кружки с темным элем. Одну подвинул Темьяну. Урмак невольно отметил сильные потертости на обшлагах кожаной, с замызганной шнуровкой, куртки незнакомца, засаленный ворот его рубахи и черные ободки грязи под ногтями. Темьян брезгливо поморщился – как и все урмаки, он был необычайно чистоплотным и терпеть не мог грязнужь.

– Я Ростарь, – представился неопрятный человек. – А ты маг или просто любитель необычных украшений?

– Звать меня Темьяном, а до остального тебе нет дела, – пробурчал с набитым ртом урмак. Он был не очень-то доверчив.

– Ясно, – ничуть не обидевшись, отозвался Ростарь. – Просто, если ты маг, у меня к тебе есть дельце. Прибыльное!

– Я не маг, – нехотя сказал Темьян.

– А почему носишь такой ошейник?

Урмак промолчал. Ну не станет же он рассказывать всем подряд про Нефелу, джигли и их таинственный заказ!

– Ладно. – Ростарь поднялся и хлопнул парня по плечу на прощание. – Может, еще свидимся.

Свиделись они на следующий же вечер на очередном постоялом дворе. Видимо, Ростарь тоже направлялся в Беотию, а так как двигались они примерно с одной скоростью, то ничего удивительного в этой встрече Темьян не нашел – на то он и Главный Торговый Тракт, что по нему в обе стороны движутся толпы самых разных людей.

На этот раз Ростарь не стал подходить к урмаку, а лишь поприветствовал поднятой кружкой с элем. Темьян ответил тем же и думать забыл о неприятном человеке.

Он уже заканчивал ужин и собирался снять комнату на ночь, когда его внимание привлекли крики возле стойки.

Какой-то толстый краснолицый мужчина, по виду богатый торговец, ударил по лицу одну из наложниц при постоялом дворе. Ударил сильно – так, что у той пошла носом кровь. Она попыталась отшатнуться, но мужчина схватил ее за русые волосы и принялся что-то гневно выговаривать хозяину постоялого двора.

Девушка плакала, размазывая по лицу кровь и слезы.

Урмаку вдруг подумалось, что на ее месте могла оказаться Нефела. Если бы она месяц назад не сбежала, обманув Темьяна, то Келвин продал бы ее в наложницы вместе с остальными

деревенскими девушками, как и собирался. И тогда сейчас над Нефелой точно так же издевались бы краснолицые потные торговцы...

Больше Темьян не колебался. Он встал из-за стола и приблизился к месту конфликта. Мягко, но решительно обхватил своей лопатообразной ладонью запястье недовольного посто-яльца и легонько сжал, заставляя выпустить волосы наложницы.

– Чтоб я всю жизнь навоз разгребал, а это еще кто такой?! – завопил торговец, потирая помятую урмаком руку.

– Простите, уважаемый, – вежливо ответил Темьян, – но своими криками вы нарушаете покой остальных посетителей. К тому же эта несчастная девочка вряд ли заслужила ту трепку, которую вы ей устроили.

– Тебе почем знать, что она заслужила? – взорвался торговец. – Да знаешь ли ты, кто я такой, что осмеливаешься так разговаривать? Сейчас ты вообще пожалеешь, что разинул свою грязную пасть!

В подтверждение его слов их молча окружили четверо вооруженных мужчин, которые только что ели и пили у дальнего стола.

– Ну-ка, ребята, проучите мерзавца как следует! – Торговец радостно потер руки.

Темьян усмехнулся и оглядел вероятных противников. Настоящие воины. Наемники, нанятые для охраны торгового обоза. Уверенные, изучающие взгляды. Спокойные, несуетли-вые движения.

Один из них, ростом почти не уступающий Темьяну, глянул урмаку в глаза, и ответная усмешка тронула его губы. Они с Темьяном поняли друг друга без слов.

«Прости, парень, – говорили глаза наемника, – я вижу в тебе равного и, как и ты, считаю своего нанимателя куском дерьма. Но он платит мне деньги, а значит, заказывает представле-ние. Но не трусь, калечить и убивать мы тебя не станем. Так, слегка намнем бока для видимо-сти».

Темьян еле заметно пожал плечами: мол, про бока ты сильно погорячился. И драка нача-лась.

Лишенный из-за нефритового ошейника способности входить в боевой режим, урмак все же не утратил навыков и скорости реакции. Он только пожалел, что надел по совету Келвина тяжелую куртку и башмаки – непривычная одежда стесняла движения. Да еще ножны с мечом мешали.

За какую-то долю секунды до первого удара урмак привычно ввел свое тело в состоя-ние тонкого равновесия: туловище выпрямлено, плечи и поясница расслаблены, ноги слегка напружинены и согнуты в коленях, локти опущены, а руки вытянуты вперед.

Два кулака понеслись в него одновременно с двух сторон: один из противников целился в челюсть, другой в живот.

Темьян немного переместил свой центр тяжести вниз, сделал поворот предплечьями, увел оба кулака в сторону и вверх и ударил одного из противников локтем в солнечное спле-тение. Прием был зверский – вложи Темьян в удар чуть больше силы, его противник был бы мертв. А так он безвольной тряпкой осел под ноги дерущимся, потеряв сознание.

Пока один из наемников оттаскивал в сторону безжизненное тело, Темьяну удалось отступить в небольшой закуток между стеной и стойкой, лишая своих противников возмож-ности нападать одновременно со всех сторон.

Урмак оказался лицом к лицу с широкоплечим, кряжистым детиной, бугрящиеся мышцы которого не могла скрыть даже добротная кожаная куртка с железными шипами по обшлагам. И хотя наемник был ниже Темьяна почти на голову, по силе явно не уступал, а то и превосходил урмака.

«Вероятно, на спор он может с легкостью свернуть шею быку-трехлетку, причем всего одним движением», – мельком подумал Темьян.

Подтверждая его мысль, наемник ударил с такой мощью, что запросто мог насмерть зашибить даже такого крепкого парня, как Темьян. Понимая это, урмак не стал блокировать удар, а гибко подался назад и в сторону, на короткое мгновение расслабленно уступая направленной в него силе. Когда не встретивший ожидаемого сопротивления наемник на миг потерял равновесие, урмак использовал мгновенное преимущество и нанес сильный удар в грудь в область сердца, не забыв подставить ногу.

Наемник захлебнулся воздухом и, споткнувшись, грохнулся на пол, ударяясь головой о ножку тяжелого дубового стола. Хотя сознание не покинуло его окончательно, он продолжал сидеть, привалившись к столу, ошалело мотая головой, и не торопился вновь вступать в потасовку.

Однако с третьим противником Темьяну не повезло. Тот самый наемник, который признал в нем равного, оказался небывало ловок и опасен. От его удара под дых урмак едва не потерял сознание.

Скорчившись и хватая ртом воздух, боковым зрением Темьян увидел занесенные над своей шеей сцепленные в замок руки. На мгновение опередив удар, урмак ткнул вытянутым пальцем в болевую точку на оказавшемся рядом бедре противника.

Наемник взвыл дурным голосом. Боль и впрямь была невыносимой – Темьян знал по себе. При таком безопасном вроде бы касании кажется, будто тебе оторвали ногу.

На миг урмак испытал жалость, но он помнил, что через некоторое время боль утихнет, и нога станет такой же, как и прежде.

Как бы жестоко, на первый взгляд, не расправлялся с нападающими Темьян, на самом деле серьезных травм и увечий он пока не наносил, следуя безмолвному уговору перед началом драки.

Последний наемник решил не рисковать в рукопашной и обнажил меч, жестом предложив Темьяну сделать то же самое. Урмак отрицательно покачал головой, понимая, что не сможет на равных им воспользоваться, и оружие станет ему только мешать.

Наемник нехорошо ухмыльнулся и нанес удар. С гибкостью барса уходя в сторону его невооруженной руки, Темьян заставил противника разворачиваться в неудобную для следующего удара сторону, пытаясь поставить того в положение, когда меч станет бесполезен. Но наемник оказался опытным и ловко довершил разворот, вновь оказавшись лицом к лицу с урмаком.

На мгновение их глаза встретились, Темьян отчетливо понял, что стоящий перед ним человек намерен убить его.

И снова смертельный клинок полетел в сторону урмака. Тот развернулся всем корпусом, встретил руку с мечом в воздухе, сопровождая ее движение до полной потери инерции, затем перехватил запястье, выкручивая его так, что громко хрустнула переломленная кость. Выпавший из сломанной руки меч с металлическим звоном упал на пол, а сильно побледневший наемник с мучительной болью в глазах молча уставился на урмака, обхватив поврежденное запястье здоровой рукой. На его лбу выступила испарина.

– Прости, – пробормотал Темьян, – но ты сам не оставил мне другого выхода.

– Все верно, парень, – сказал один из наблюдающих за боем посетителей, худощавый, пожилой мужчина в длинном, потрепанном плаще. Его лицо изрезали морщины, а рука привычно сжимала посох мага. – К тебе претензий быть не должно. Все в рамках необходимой защиты.

Толстый торговец открыл рот, осыпая Темьяна бранью и угрозами, но наткнулся на взгляд пожилого мага и замолчал.

Темьян подошел к хозяину постоялого двора.

– Могу я получить комнату на ночь?

Тот покосился на торговца.

Маг встал рядом с торговцем и весома сказал:

– Я думаю, глубокоуважаемый господин не имеет более претензий и будет счастлив оплатить этому юноше постой в самой лучшей комнате в качестве извинения за причиненные неудобства.

«Глубокоуважаемый господин» скривился, но поспешно пробормотал:

– Конечно-конечно, мэтр! Пусть юноша как следует отдохнет. Кстати, может, утром он согласится наняться ко мне охранником вместо этих никчемных слабаков?

Темьян вежливо поклонился в ответ:

– За комнату спасибо, но, с вашего разрешения, я заплачу за себя сам. А что касается предложения, то вынужден отказаться, так как я еду по своим спешным делам.

Получив ключ, урмак, не торопясь, стал подниматься вверх по скрипучей деревянной лестнице, чувствуя спиной пристальный взгляд пожилого мага.

14

Самая лучшая комната отличалась от всех остальных только чистыми льняными занавесками на окне, медным светильником и фаянсовым тазиком с водой, стоящим на табуретке в углу.

Раздевшись и слегка ополоснувшись, Темьян затушил светильник и собирался лечь спать, но тут в дверь тихонько постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату скользнула давешняя наложница, из-за которой и разгорелась драка. В руках она держала поднос с горящей свечой, кувшином вина и вазой с фруктами.

– Я не заказывал ужин, – смущенно пробормотал урмак, торопливо прикрываясь тонкой простыней и проклиная свою привычку спать обнаженным и не запирает дверь на ключ.

– Это подарок от хозяина, – сказала девушка, проходя в комнату.

– Спасибо, поставь на стол.

Она так и сделала, но уходить не спешила.

– Разве ты не выпьешь вина? – спросила девушка.

– Может быть, потом, – ответил Темьян.

Он непроизвольно отметил, что у нее соблазнительная стройная фигурка, золотистые волосы, как у Нефелы, и яркие голубые глаза.

Девушка одним движением выскользнула из длинного струящегося платья, оставшись нагой.

– Я хочу отблагодарить тебя...

– Ты мне ничем не обязана, – поспешно перебил ее Темьян.

Она присела на край кровати.

– Скажи, что не хочешь меня, и я тут же уйду.

Темьян промолчал.

Девушка улыбнулась и скользнула к нему под простыню...

Через некоторое время уставший, но довольный Темьян встал, не стесняясь больше своей наготы, и подошел к окну, с жадностью вдыхая свежий ночной воздух и утирая жаркую испарину. Девушка приблизилась к нему, держа в руках две стеклянные чаши, наполненные красным вином.

– Теперь давай выпьем, – предложила она и потерлась обнаженной грудью о его спину.

Темьян улыбнулся и одним глотком осушил чашу. У него перед глазами стало стремительно темнеть, и он потерял сознание.

15

Очнувшись, урмак обнаружил, что лежит на полу и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. С превеликим трудом поднял окаменевшие веки и через силу повел глазами, пытаясь осмотреться. Та же комната. И напоившая его отравленным вином девушка. Только рядом с ней стоит... Ростарь!

– Вот твои пять золотых куаров, – сказал неприятный человек, протягивая девушке деньги. – Ты молодец, все сделала как надо, а теперь уходи.

Она поспешно кивнула и выскочила из комнаты. Ростарь обнажил меч и склонился над Темьяном:

– А, ты очнулся. Что ж, тем хуже для тебя. Извини, парень, но этот розовый камень слишком дорого стоит, чтобы болтаться на шее у такого, как ты. Не я, так другой обязательно отберет его у тебя, причем вместе с головой. Так что расслабься и закрой-ка глаза...

Он размахнулся, собираясь отрубить урмаку голову. Но тут в дверном проеме мелькнул темный расплывчатый силуэт. Коротко вжикнул брошенный нож, вонзаясь в живот Ростарю. Тот выпустил из рук меч и замертво рухнул на пол рядом с Темьяном.

Появившийся так кстати спаситель подошел к лежащему урмаку и встревожено заглянул ему в лицо.

– Ты как? – спросил маг. – Встать сможешь?

Темьян постарался помотать головой в ответ. Это ему не удалось. Тело по-прежнему напоминало камень. Двигать он мог только глазами.

Маг приблизился к столу и налил в чашу немного вина, понюхал, взболтал и внимательно всмотрелся в оседающую взвесь.

– Понятно, – пробормотал он. Достал из кармана тряпицу с маленькими травяными шариками, бросил один в чашу. Вино забурлило, распространяя неприятный, резкий аромат. – На-ка выпей.

Маг попытался влить напиток в рот неподвижному урмаку. Большая часть пролилась мимо, но несколько капель попали куда нужно. Темьян ощутил, что может двигаться, хотя его мышцы оказались сведенными жестокой судорогой. Спаситель растирал и мял его тело, пока оно не обрело прежней чувствительности.

Темьян не очень уверенно встал на ноги и с радостью заметил, что продажная девка все-таки догадалась надеть на него штаны, перед тем как звать Ростаря. Он ощутил нечто вроде благодарности к ней. Затем поглядел на мага:

– Спасибо, что выручили, мэтр. Меня зовут Темьяном.

– Мое имя – Миссел. Можешь мне не выкать. И не зови меня мэтром. Я не маг, а посох нужен просто для маскировки. Чтоб на постоянных дворах не цеплялись. И вообще... – Он сделал неопределенный жест рукой и вопросительно посмотрел на собеседника.

Темьян понял, что от него ждут встречной откровенности.

– А я разбойник, – прямо сказал урмак. – Правда, бывший. Иду на юг, в Кротас, и мне бы нужно нанять мага. Настоящего мага. Только не из Священной Пятерки Датныок.

– А почему не из них? – удивился Миссел. – Я слышал, они хороши.

– Может быть, но... Видишь ли, я... с ними не в ладах... – уклончиво ответил Темьян, решив опустить ту деталь, что недавно убил одного из них во время нападения на обоз казначейства.

– В Кротас, говоришь, идешь... – Миссел задумчиво посмотрел на урмака. – Ладно. Пошли в мою комнату. Надо хоть немного поспать. Утром поговорим.

– А труп? Утром мне придется объясняться со стражниками.

– Не придется, – проворчал Миссел. – Думаю, трактирщик захочет уладить дело потихому. Сдается мне, у него у самого рыльце в пушку. Так что и труп, и стражники – это его забота... Пойдем-пойдем. Только захвати с собой матрас и подушку.

Комната Миссела оказалась явно не из лучших. Кровати не было вовсе, а на полу лежал большой тюфяк, набитый слежавшимся сеном.

Урмак бросил свой пуховой матрас в свободный угол и лег, заложив руки за голову. Но перед тем как заснуть, не выдержал и задал мучивший его вопрос:

– Зачем она это сделала?

Миссел не сразу понял, о чем идет речь.

– Ты о ком? – сонно удивился он. – А-а-а! Из-за денег, конечно. Ей за тебя очень хорошо заплатили.

– И что, все женщины ради денег способны на такое?

– Не беспокойся, не все. Да и она... Не торопись осуждать. Скорее всего, деньги ей нужны, чтобы выкупить себе свободу... – пробормотал Миссел, засыпая.

16

Утром они спустились вниз, собираясь позавтракать перед дорогой. Было очень рано, большинство постояльцев еще спали. В зале находились только хозяин и позевывавшая толстая служанка.

Темьян сел за стол. Миссел отошел к стойке и стал о чем-то спорить с хозяином. Служанка поставила на стол тарелку с холодным мясом и кувшин с элем. Урмак принялся за еду.

Миссел куда-то ушел, но вскоре вернулся, грубо таща за собой упирающуюся наложницу. Ту самую, с которой урмак провел сладкую ночь, и которая отдала его на растерзание Ростарю. Темьян напрягся, глядя на нее. Его карие глаза почернели, слившись по цвету со зрачками.

Миссел толкнул дрожащую невольницу к урмаку:

– Я думаю, парень, ты захочешь сказать ей пару слов на прощанье!

Девушка неловко зацепилась ногой за скамью и упала. Ее длинная юбка задралась, обнажив стройные бедра и маленький треугольник светлых курчавых волос, но она не обратила на это внимания. Ее наполненный ужасом и слезами взгляд был прикован к урмаку. Смазливое личико посерело, а губы дрожали.

Темьян протянул к ней руку.

Наложница сжалась и закрыла глаза в ожидании удара.

Но урмак не собирался ее бить. Он осторожно поднял девушку и усадил на скамью. Лицо парня оставалось бесстрастным, но чего ему это стоило, знал только он сам.

Наложница открыла глаза и удивленно взглянула, еще не веря, что расправы не будет.

Миссел внимательно наблюдал за ними с непонятым выражением на старческом лице.

– Спасибо, что надела на меня штаны, перед тем как звать убийцу, – глухо сказал Темьян, обращаясь к предательнице. Затем выложил на столешницу пять золотых куаров. – Это тебе за то, что доставила мне удовольствие в постели.

Он медленно встал, приблизился к стойке, рассчитался с хозяином, а затем, не оглядываясь, пошел к выходу. Уже у самой двери его остановил раскатистый смех Миссела. Темьян недоуменно оглянулся. Лжемаг хохотал искренне, от души.

– Ну ты даешь, парень! – сквозь смех выдавил он. – Я от тебя всякого ожидал, но такого... Ладно, подожди меня. Я все же немного знаком с магией и помогу в твоём деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.